

ЗЫРЯНЕ
И
ИХЪ ОХОТНИЧЬИ ПРОМЫСЛЫ.

Ф. А. АРСЕНЬЕВА.

Изданіе

Н. А. Дмитриева и М. Н. Владыкина.

МОСКВА.

Типографія А. П. Мамонтова и К^о, Большая Дмитровка, № 7.

1873.

0-141045
ас
59339

261

КЕННГ А.В.
ТЕЛ.: 3-88-40

ЗЫРЯНЕ

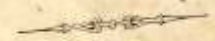
И

ИХЪ ОХОТНИЧЬИ ПРОМЫСЛЫ.

Ф. А. АРСЕНЬЕВА.

ИЗДАНИЕ

- Н. А. Дмитриева и М. Н. Владыкина.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Большая Дмитровка, № 7.
1873.

два, Заволочская Чудь, Пермь, Печора, Ямь, Угра или Югра, Литва, Зимгола, Корсь, Нарова, Либъ; сн суть свой языкъ имуща, отъ колѣна Афетова, иже живутъ въ странахъ полунощныхъ». Вѣроятно, Зыряне извѣстны были тогда подъ однимъ изъ этихъ племенъ: Заволочскою Чудью, Пермью, Югрою и Печорою (потому что большая часть мѣсть и самыя рѣки, близъ которыхъ жили эти сосѣдственныя и, безъ всякаго сомнѣнiя, родственныя племена, носятъ зырянскiя названiя), — и тѣмъ ближе подъ именемъ послѣдней, потому что нынѣ нѣтъ народа Печорскаго, и что по рѣкѣ Печорѣ съ давнихъ временъ обитають Зыряне. Новгородская вольница (ушкуйники) еще до X вѣка посѣщали мѣста, занимаемыя этими племенами; изъ хартiй новгородскихъ посадниковъ видно, что Печорой они называли всѣ земли, лежащiя въ нынѣшнихъ уѣздахъ — Усть-сыльскомъ и Яренскомъ, т. е. всѣ тѣ земли, гдѣ нынѣ преимущественно живутъ Зыряне.

Не вдаваясь въ туманныя предположенiя о происхожденiи Зырянъ, мы, чтобы осязательнѣе доказать справедливость нашего мнѣнiя, обратимся къ вѣкамъ давно минувшимъ; бросимъ критическiй взглядъ на древнѣйшую географiю пустыннаго сѣвера Россiи. — Лейбницъ, Байеръ, Тунманъ, Гроций и другiе историки, основываясь на латинскихъ и греческихъ писателяхъ, населяють его въ глубокой древности Финнами. Гердеръ и Клапротъ утверждаютъ, что этотъ народъ задолго до Р. X. обиталъ уже въ Россiи, въ мѣстахъ, прилежащихъ къ Уральскому хребту, откуда былъ вытѣсненъ Готами, и, разсѣявшись отъ Урала на западъ и сѣверъ, приближался болѣе и болѣе къ послѣднему, гдѣ, свыкшись съ суровостiю климата, жилъ беззаботно, занимаясь звѣриною ловлею. Тацитъ говоритъ: «Финны обитають въ сосѣдствѣ съ Венетами, въ полунощной Европѣ; не имѣють ни домовъ, ни коней, ни оружiя;

рыба, коренья и травы служатъ имъ пищею, а звѣриныя кожи — одеждою: они угрюмы и безпечны; не столько боятся гнѣва боговъ, сколько рабства и неволи: счастливая независимость есть рѣдкое и единственное ихъ благо въ мiрѣ». Этотъ правоописательный очеркъ Финновъ, за столько вѣковъ сдѣланный Тацитомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ живо характеризуетъ кореннаго Зырянина, что этотъ послѣднiй кажется не побочнымъ потомкомъ, а болѣе роднымъ братомъ Тацитовскимъ Финнамъ, — такъ мало подвинули Зырянина впередъ цѣлыя столѣтiя! Очень естественно, что Финны, расселившись на такомъ великомъ пространствѣ, можетъ-быть вслѣдствiе бурныхъ переворотовъ и междоусобицъ браней, раздѣлились на разныя племена, которыя, еще подраздѣлившись, пустили отъ себя мелкiя отрасли; но какъ тѣ, такъ и другiя удержали основныя формы кореннаго языка, не измѣнили правовъ и обычаевъ своихъ предковъ. Сравнивая языки Зырянъ и Финновъ, дѣйствительно мы замѣчаемъ поразительное сходство въ словахъ того и другаго, и тѣмъ болѣе убѣждаемся въ родственности этихъ народовъ, что нравы и обычаи ихъ совершенно сходны между собой. Доказать же это очевидными фактами, историческими указанiями для насъ нѣтъ возможности, потому что для этого необходимо прослѣдить всѣ народы, обитавшiе на сѣверѣ Европы и Азiи, сравнить ихъ по языку, образу жизни, правамъ, обычаямъ и другимъ отношенiямъ. Предоставляя этотъ важный трудъ людямъ съ глубокимъ знанiемъ и многоразличными средствами, позволимъ себѣ одно предположенiе, основанное на филологiи, и для того обратимся къ языку Зырянъ и въ особенности къ названiю, подъ коимъ они вообще извѣстны и какое сами даютъ себѣ въ отличiе отъ прочихъ народовъ. Исторiя указываетъ, что сѣверъ Россiи и Сибири былъ населенъ многими разнопле-

менными народами, происшедшими отъ Финновъ; но и о ближайшемъ сродствѣ этихъ племенъ не предлагаетъ она положительныхъ данныхъ. При такомъ недостаткѣ средствъ къ изслѣдованію происхожденія народовъ, самое лучшее пособіе, хотя слабое, — филологія.

Нарицательное «Зыряне», неизвѣстно кѣмъ и въ какомъ смыслѣ данное народу, если разобрать его этимологически, можетъ повести къ разнымъ толкамъ о минувшей судьбѣ этого племени. Глаголы: «зырны и зыренины» значать: тѣснить, вытѣснять, вторгаться, заступать мѣсто другаго. Отсюда заключаемъ, что Зыряне были или вытѣснены, прогнаны откуда-то и кѣмъ-то, или же сами кого-нибудь вытѣснили и заняли чужія мѣста и, согласно съ своимъ положеніемъ, получили название, оставшееся при нихъ до нынѣ: вытѣсненныхъ или же вытѣснившихъ. Последнее предположеніе намъ кажется вѣроятнѣе, потому что первобытные жители губерній Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской назывались Чудью, вытѣснивши которую, Зыряне заняли ея мѣсто. Въ глубокой древности Біармія или Пермь, которую составляли эти губерніи, по свидѣтельству Отера, норвежскаго мореходца, приплывшаго въ IX вѣкѣ къ устью С. Двины, была населена уже разными племенами народовъ, корнемъ которыхъ онъ утвердительно называетъ Финновъ. Въ XI вѣкѣ Пермь, Югра и Печора платили дань Новгородцамъ — этимъ смѣлымъ и предприимчивымъ въ древности искателямъ славы и богатства. На берегахъ Двины въ это время, по сказанію, Исландцевъ, существовалъ богатый и торговый городъ — Гольмгардъ, славный по ярмаркѣ, на которую прѣзжали купцы скандинавскіе и новгородскіе. Въ Гольмгардѣ норвежскіе купцы Тореръ и Карлъ, посланные для торговли въ Біармію самимъ королемъ Олофомъ, современникомъ Ярослава, ограбили кладбище и обокрали финскаго

идола Юмалу. Названіе этого божества чисто зырянское; позырянски «юма» значить старая, сварливая, неуклюжая женщина, подъ видомъ которой изображалось, какъ извѣстно, это карающее грозное божество. Зыряне и нынѣ употребляютъ это слово, когда хотять указать на злую, безобразную старуху: «юма баба, кодь льокъ» — сердита, зла, какъ юма. Очень можетъ быть, что до принятія христіанской вѣры Зыряне боготворили идола Юмалу — въ чемъ убѣждаетъ насъ и темное народное преданіе о богахъ языческихъ этого народа; а одинакая вѣра, выражающаяся въ почитаніи однихъ и тѣхъ же идоловъ у племени, хотя разныхъ названій, даетъ весьма близкое понятіе о ихъ сродствѣ.

Зыряне сами себя называютъ: Коми, Коми-мортъ и Коми-войтыръ; последнее названіе употребляется тогда, когда говорится обо всемъ народѣ, а первые два при обозначеніи одного лица. Кто ты? спросите Зырянина; онъ отвѣтитъ: ме Коми или Коми-мортъ; а отчего онъ такъ себя называетъ и какъ переводится слово Коми по русски, — ни одинъ не объяснитъ этого. На языкѣ ихъ такого слова нѣтъ, или значеніе его утрачено. Многіе, основываясь на одномъ только созвучіи, производятъ его отъ Камы (рѣки въ Пермской губ.) и отсюда предполагаютъ, что Зыряне жили прежде по этой рѣкѣ, съ береговъ которой были вытѣснены какими-то пришельцами.... Слова Коми-войтыръ выражаютъ собою не собственное имя народа, а мѣсто, занимаемое послѣднимъ: вой — ночь, сѣверъ, а тыръ — народъ; ближайшее значеніе словъ Коми-войтыръ будетъ: пермскій народъ, обитающій въ холодномъ климатѣ, наполняющій сѣверный край. Такимъ образомъ слова: ме Коми, *Коми-мортъ* и *Коми-войтыръ* мы переводимъ: я — Пермскій, Пермскій — человекъ и пермскій народъ, и при этомъ ссылаемся на достовѣрные факты,

свидѣтельствующіе, что по Камѣ, во время Нестора, обитало многочисленное племя — Пермь, остатокъ котораго, подъ именемъ Пермиковъ, населяющій сѣверную часть Пермской губерніи, называетъ себя Коми или Коми-мортъ. Зыряне всю Пермскую губернію называютъ Комму—Пермская область, земля; отсюда, думаемъ, надобно производить названіе Коми, даваемое себѣ Зырянами. Нынѣшніе Пермьки въ образѣ жизни, правахъ и обычаяхъ совершенно сходны съ Зырянами; въ разговорѣ, однакожь, мало понимаютъ другъ друга, хотя въ языкѣ обоихъ народовъ есть много словъ, выражающихъ одни и тѣ же понятія; причиною этому—значительное пространство, ихъ раздѣляющее, и рѣдкія сообщенія между собою. Слѣдовательно имена—Зырянинъ и Пермькъ, соединяющіяся въ названіяхъ Коми, Коми-мортъ и Коми-войтыръ, тождественны; въ Вятской губерніи и въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ дѣйствительно Зырянъ называютъ Пермьками, по сходству нарѣчій этихъ народовъ.

Зырянскія названія рѣкъ и деревень, находящихся въ сѣверной Европейской и Азиатской Россіи, прямо наводятъ на мысль, что Зыряне прежде были многочисленны. Судя по этимъ названіямъ, во множествѣ встрѣчаемымъ какъ на сѣверо-востокѣ Россіи, такъ и на сѣверо-западѣ Азіи. Зыряне населяли отъ сѣвера къ югу всё мѣста отъ устья рѣки Печоры до начала Сѣв. Двины и даже по Сухонѣ, а отъ запада на востокъ — отъ Колы до восточныхъ границъ Сибири. Столь огромное пространство, ими занимаемое, и отъ того, естественно, рѣдкія между собою сообщенія, способствовали подраздѣленію ихъ на мелкія племена, изъ коихъ называемъ Вогуличей, Вотьяковъ, которыя со временемъ, удалившись отъ своего кореннаго языка, стали забывать его основныя формы, отличаться одинъ отъ другаго въ названіи предметовъ, не бывавшихъ до-

толѣ въ ихъ быту. Это подраздѣленіе даетъ поводъ къ мнѣнію, что мелкія племена, живя отдѣльно и не имѣя никакого понятія о гражданственности, часто ссорились, тѣснили другъ друга; глаголы «зырны» и «зырсинны» служатъ весьма важнымъ основаніемъ предположенія, что распри, вообще свойственныя народамъ грубымъ, были главною причиною утраты тѣхъ фактовъ, на которыхъ основывается первоначальная исторія каждаго народа. До сихъ поръ не найдено еще ни одного источника, который сколько-нибудь раскрылъ бы первобытное состояніе Зырянъ.

На страницахъ исторіи народъ подъ именемъ Зырянъ является въ половинѣ XIV стол., когда св. Стефанъ началъ проповѣдывать имъ христіанскую религію. Они жили тогда осѣло, занимались земледѣліемъ, звѣриными и рыбными промыслами, и, бывъ зависими отъ Новгорода, а потомъ отъ Москвы, платили имъ дань пушными товарами, богатствомъ которыхъ эти города прежде такъ славились. Отважныя шайки новгородскихъ ушкуйниковъ, еще до времени рюриковыхъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, завоевали большую часть мѣстъ, принадлежащихъ Зырянамъ, куда привлекло ихъ изобиліе дорогой рухляди и самая дешевизна туземныхъ товаровъ. Въ началѣ XI вѣка они обложили данью обитателей по р. Печорѣ и народъ Югорскій, а въ 1193 г. ходили въ Угрію съ многочисленною дружиною, подъ начальствомъ воеводы Андрея, за серебромъ и соболями—обыкновенною данью, которую неисправно платили князья югорскіе. Этотъ походъ новгородцевъ замѣчательнъ тѣмъ, что они шли въ Угрію по новой дорогѣ, еще въ 1093 г. проложенной Зырянами, которая и называлась Зырянскою; она шла вдоль Вогулки до Сойвы и служила сообщеніемъ между народами сѣверо-восточной Россіи и Сибири. Эта дорога важна въ исторіи Зырянъ тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о торговлѣ ихъ съ народами

Москву (1383 г.) просить в князя и митрополита, чтобы дали епископа новопросвѣщенному народу Пермскому. Митрополитъ Пименъ за апостольскіе труды назначилъ епископомъ самого проповѣдника, а в. князь, осмынавъ его милостями, съ богатыми дарами отправилъ въ новую епархію. По прибытіи къ своей паствѣ, святитель, имѣя право другихъ посвящать для совершения таинствъ, поставилъ избраннѣйшихъ изъ Зырянъ во іереи и диаконы, построилъ нѣсколько церквей съ училищемъ при каждой, создалъ 3 монастырей и, въ теченіи 13 лѣтъ своего епископства, заслужилъ исполнѣ имя отца и благодѣтеля народа Пермскаго: помогалъ ему въ нуждахъ; снабжалъ жизненными припасами; защищалъ отъ притѣсненій дикихъ сосѣдей (Вогуличей), новгородской вольницы и чиновниковъ великокняжескихъ; просилъ объ уменьшеніи налоговъ; былъ ихъ неусыпнымъ стражемъ и миротворцемъ.

По обширности церкви Стефановой, которая заключалась въ трехъ уѣздахъ Вологодской губерніи — Сольвычегодскомъ, Яренскомъ и Устьемьсольскомъ, должно предполагать, что число язычниковъ, обращенныхъ въ христіанство, было весьма значительно. Въ современныхъ лѣтописяхъ, къ сожалѣнію, слишкомъ кратко говорится объ основаніи Пермской церкви и еще тѣмъ менѣе о миѳологіи Зырянъ; а позднѣйшіе историки не отыскали слѣдовъ затерянныхъ вѣрованій, оставивъ потомству одни темныя преданія касательно прежней религіи Зырянъ. Этотъ любопытный фактъ объяснилъ бы много загадочныхъ мѣстъ язычества Зырянъ, еслибъ уцѣлѣли образцы ихъ письменности и самая азбука зырянская не была утрачена.

Въ житіи св. Стефана излагаются болѣе общія черты идолопоклонства Зырянъ: тамъ говорится, что у нихъ были кумирницы, управляемыя чародѣями, куда преимущественно стекался народъ для поклоненія идоламъ; но

какого рода были эти послѣдніе, ничего не объясняется. Почтеніе къ идоламъ было въ высшей степени, несмотря на ихъ многочисленность: не только въ домахъ, но и на перекресткахъ дорогъ, въ поляхъ, на выгонахъ и въ лѣсахъ усердные язычники ставили множество разноименныхъ деревянныхъ и мѣдныхъ кумировъ, которымъ, порознь каждому, приписывали извѣстную силу дѣйствій и приносили имъ въ жертву дорогія шкуры пушныхъ звѣрей: соболей, бобровъ, лисицъ, выдръ, росомахъ и др. Эти приношенія считались собственностію идоловъ и, по продажѣ, употреблялись на ихъ украшеніе. Никто не смѣлъ пользоваться ими, изъ опасенія лишиться благодѣній кумировъ: нечаянно быть постигнутымъ лютою болѣзнію, или, что всего несчастнѣе, быть неудачнымъ стрѣльцомъ. Въ суевѣрныхъ преданіяхъ Зырянъ открываемъ слѣды грубаго язычества; поклоняясь идоламъ, они почитали и духовъ, имѣвшихъ, по ихъ мнѣнію, сильную власть надъ природою и человѣкомъ. Такъ, они вѣрили въ существованіе лѣсныхъ, домовыхъ, лѣсныхъ и водяныхъ, описывая ихъ безобразными страшными лицами, созданными на ужасъ человѣчеству; озерамъ и рѣкамъ приписывали нѣкоторую святость, омывая себя въ извѣстное время ихъ водами.— Однакожь, въ самомъ безразсудномъ суевѣрїи, Зыряне имѣли понятіе о Богѣ Вышнемъ, живущемъ на небесахъ, который, по ихъ понятіямъ, печется только о надзвѣздномъ мірѣ, люди же недостойны возсылать къ нему своихъ молитвъ, но должны обращаться съ ними къ чадамъ его — духамъ и идоламъ, управляющимъ землею. Это не постижимое существо называли они общимъ именемъ «Ель», не дѣлали изображеній его, не посвящали ему и кумирницъ, полагая, что смертные, одержимые всегда духовною немощію, не могутъ имѣть съ нимъ сообщеній и въ нуждахъ обязаны относиться къ богамъ меньшимъ, которые,

умиловляясь жертвами, всегда помогают тому, кто добръ и честенъ въ мѣрѣ.

Лѣтописи сохранили для насъ имена двухъ идоловъ зырянскихъ, которые мало извѣстны народу даже по преданіямъ, и Зыряне отрекаются отъ нихъ: названіе одного изъ идоловъ чисто зырянское: это — «Войпель», ночное ухо. Можетъ-быть, этотъ истуканъ считался бодрствующимъ стражемъ, вѣрнымъ хранителемъ и защитникомъ народа. Другой назывался: «Золотая Баба»; ему приписывали чудесную силу волхвованій. Идолъ «Юмазы» живѣе сохранился въ преданіяхъ народныхъ, и, какъ замѣтили мы выше, Зыряне и нынѣ употребляютъ это слово, какъ бранное или какъ пугающее.

Языческіе религиозные обряды Зырянъ почти вовсе неизвѣстны намъ. Знаемъ только, что совершеніе ихъ поручалось волхвамъ, пользовавшимся уваженіемъ суевѣрнаго народа за предсказанія въ будущемъ. Именемъ боговъ обуздывая своеволие грубыхъ собратьевъ, волхвы хитростию и богатствомъ пріобрѣтали надъ ними власть, которая тѣмъ была тягостнѣе для Зырянъ, что они большую половину жертвъ употребляли въ свою пользу и нерѣдко силой требовали новыхъ. Авторъ житія св. Стефана говоритъ, что Зыряне, наследовавъ отъ предковъ простоту нравовъ, не пользовавшись до введенія христіанской вѣры выгодами правленія благоустроеннаго, не терпѣли ограниченной вольности, строго соблюдали древніе обычаи и преданія и только въ опасностяхъ сходились на совѣтъ, гдѣ благоразуміе и справедливость часто укрощали дерзость и насиліе. Волхвовъ своихъ Зыряне не очень любили, скорѣе боялись и ненавидѣли, ибо присвоенная ими власть не только ограничивала свободу народа, но простиралась даже и на его собственность.

II.

Современное состояніе Зырянъ и ихъ охотничьи промыслы.

Родина Зырянъ лѣсиста, малоплодородна и сурова по климату. Эти-то физическія условія мѣстности направили дѣятельность поселившагося здѣсь Зырянскаго народа исключительно на рыбные и звѣриные промыслы. Последніе играли въ прежнее время довольно значительную роль въ промышленной жизни Россіи, надѣляя ее въ изобиліи драгоценными соболіными и другими мѣхами. Но это было когда-то. Теперь, съ постепеннымъ разрѣженіемъ лѣсовъ, уже не дающихъ надежнаго пріюта ни бобру, ни куницѣ, ни росомахѣ, край промышленный потерялъ свое прежнее значеніе, отъ чего рѣзко понизилось народное благосостояніе, а съ нимъ постепенно утрачивается и родовая типъ честнаго Зырянина, отличавшагося въ прежнія времена необыкновенною простотою нравовъ въ своемъ домашнемъ быту. Не такъ давно въ зырянскихъ селеніяхъ керки (избы) и самыя кладовыя, гдѣ хранится лучшее крестьянское имущество, не запирались на замокъ: если хозяева выходили изъ дома и оставляли его пустымъ, то клали на скобку дверей палку—признакъ, что ихъ нѣтъ дома. Сосѣди и посторонніе, видя этотъ условный значокъ, считали его крѣпче всякаго замка и уже не входили въ керку ни подъ какимъ предлогомъ. Бывало звѣрь, подстрѣленный промышленниками одной партіи, добытый или пойманный другою партією, до слова возвращался первымъ безъ всякихъ сожалѣній и споровъ. На промыслахъ вся добыча поступала въ общую складчину: кто бы сколько ни настрѣлялъ, все дѣлилось поровну, или же продавалось гуртомъ въ однѣ руки и изъ вырученныхъ денегъ доставались равныя доли на каждого безъ всякихъ выче-

товъ. При дѣлежѣ никогда не бывало даже и намека на то, что такому-то посчастливилось меньше прочихъ. Обмана и утайки при этомъ никогда не бывало. Отправляясь на промыслы, Зырянинъ въ прежнія времена смѣло оставлялъ свой запасъ на лѣсныхъ тропинкахъ, кладя довольно замѣтные значки, и на возвратномъ пути нерѣдко находилъ въ своихъ складахъ бѣлокъ и рябчиковъ; это значило, что какой-нибудь землякъ, истощивъ свою провизию, бралъ себѣ частицу у него, за которую платилъ по совѣсти настрѣленной дичью. Никогда ни одинъ охотникъ не пользовался дорогимъ звѣремъ, понавшимъ въ охотничьи снаряды товарища. Воровство вовсе не было извѣстно Зырянамъ; на языкъ ихъ даже нѣтъ кореннаго слова «воръ». Давно ли было во всеобщемъ обычаѣ Зырянь по-разительное уваженіе къ выполненію обязанностей въ дѣлахъ общественныхъ. Какой-нибудь волости нужно внести значительную сумму податей въ казначейство. За сотни верстъ, глухими волоками, отправляется, бывало, ходокъ съ деньгами пѣшкомъ въ городъ; «казна нуа, казна нуа» (казну несу), говоритъ онъ встрѣчнымъ, и ему почтительно снимаютъ шапки и низко кланяются. Приходитъ на станцію, кладетъ суму въ передній уголъ, посохъ на лавку и преспокойно засыпаетъ на сѣновалѣ, нисколько не беспокоясь о сумѣ, будучи твердо увѣренъ, что въ отсутствіе его никто до нея не дотронется. Между тѣмъ, вѣсть, что «казна муи» (казна идетъ) мигомъ проносится по деревнѣ и производитъ магическое на всѣхъ вліяніе: языки любопытныхъ замолкли, всякій бѣжитъ къ себѣ въ керку и съ какимъ-то благоговѣйнымъ страхомъ объявляетъ это домашнимъ; никого не видно на улицахъ, никто не заглянетъ на станцію до тѣхъ поръ, пока казна не выйдетъ изъ деревни.

Давно ли все это было въ Зырянскомъ краѣ, но успѣло

Фиг. 1. Зырянскій промышленникъ въ зимней одеждѣ.

уже и быльемъ порости. Эта честная простота нравовъ, это совѣстливое уваженіе правъ человѣка и собственности быстро стало съ оскудѣвіемъ страны исчезать въ Зыряннѣ. Въ настоящее время явилась потребность и въ употребленіи замковъ, и въ болѣе строгомъ уборѣ провизіи на лѣсныхъ тропинкахъ въ промысловое время, и казна уже не ходитъ, а ѣздитъ, а въ присутственныхъ мѣстахъ зырянскихъ городковъ все чаще и чаще стали появляться дѣла о воровствѣ.

Зыряннѣ—плохой земледѣлецъ, но за то онъ неутомимый и изобрѣтательный охотникъ. Это настоящій сынъ лѣсовъ, въ жизни котораго звѣриные промыслы составляютъ главное средство къ пропитанію и источникъ къ оплатѣ податей, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ природа скудно вознаграждаетъ труды земледѣльца; таковы, по преимуществу, обширные края Удорскій и Печорскій, въ которыхъ урожаи хлѣбовъ постоянно бываетъ ничтоженъ. Предметы охотничьяго промысла Зырянъ изъ звѣрей: медвѣди, волки, россамахи, выдры, куницы, лисицы, олени, горностаи, бѣлки; были прежде и соболы, а лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ и бобры, но нынѣ они совершенно вывелись, уйдя, какъ говорятъ Зыряне, за «Камень», т. е. за Уральскія горы; изъ птицъ: глухари, куропатки, рябчики — въ огромнѣйшемъ количествѣ и, для домашняго употребленія, разная прилетная дичь, которой Зыряннѣ, вслѣдствіе своихъ охотничьихъ наклонностей, тоже не даетъ спуска, истребляя ее черезъ мѣру.

Для добыванія звѣря и птицы употребляется Зырянами множество способовъ, начиная отъ ружей и винтовокъ до капкановъ и силковъ. Ружья у Зырянъ болѣею частію узкодульныя, турки, какъ они ихъ называютъ, и всегда кремневыя. Широкихъ ружей они не любятъ, потому что

тѣ поглощаютъ слишкомъ много запаса*), а для Зырянна и охотника порохъ — очень цѣнный матеріалъ, которымъ онъ дорожитъ всего болѣе, особенно если живетъ на нѣсколько сотъ верстъ отъ города. Винтовочные стволы достаютъ Зыряне съ Ирбитской ярмарки, съ сибирскихъ заводовъ, и они обходятся имъ не дешево. Болѣе между промышленниками распространено такихъ винтовочныхъ стволовъ, которые выковываются мѣстными мастерами, очень плохо знакомыми съ ружейнымъ дѣломъ и дѣйствующими въ этомъ разѣ по своему соображенію и догадкѣ; потому-то винтовка Зырянна (фиг. 2) есть

Фиг. 2. Зырянская винтовка.

крайне безобразное оружіе, съ буграми на стволѣ и весьма оригинальнымъ замкомъ, устраиваемымъ слѣдующимъ образомъ: съ наружной стороны придѣлывается длинная пружина, поддерживающая палку и склоняющая курокъ; но чтобы взведенный курокъ держался на мѣстѣ, къ нему прикрѣпляется гвоздь съ крючкомъ, задѣвающимъ за вколоченную въ ложа шпильку. Съ этимъ гвоздемъ находится въ соприкосновеніи язычокъ; при малѣйшемъ пожатіи онъ

*) Пороху и дроби.

снимаетъ крючокъ со шпильки, тогда курокъ опускается на огниво, даетъ искру и воспламеняетъ порохъ на полкѣ. Это курьезное устройство замка достигаетъ однакожь своей цѣли, потому что достаточно самого легкаго пожатія, чтобы крючекъ соскочилъ со шпильки, нисколько не потревоживъ ствола, т. е. не причинивъ ему ни малѣйшаго сотрясенія. Зыряне такимъ замкомъ упростили шпеллеръ у черкесскихъ винтовокъ довольно сложный механизмъ, исполняющей ту же обязанность.

Размѣръ дула у винтовки очень узокъ, такъ что въ него едва можетъ вгоняться пуля въ мелкую горошинку. Такия узкодульные винтовки Зыряне употребляютъ во первыхъ потому, что въ нихъ изъ фунта свинцу выходитъ до 180 пуль; во вторыхъ мелкая пуля не портитъ шкуру звѣря. Впрочемъ встрѣчаются у Зырянъ изрѣдка винтовки съ дуломъ довольно широкимъ, ихъ называютъ моржовками и употребляютъ для дальней стрѣльбы по крупному звѣрю и птицѣ. Ложа у зырянскихъ винтовокъ всегда бываетъ самодѣльщина, самая небрежная и уродливая; это просто полѣно, кое-какъ обтесанное и чрезвычайно неловкое на прикладѣ. Между ними попадаются даже такіе безобразные уроды, что при прицѣлѣ невозможно приложить ложа къ щецкѣ, а нужно взять ее подъ мышку и цѣлиться по стволу. Для заряженія винтовки Зыряне дѣлаютъ изъ куска свинцу родъ проволоки, толщиной въ отверстіе дула, и, свернувъ ее спиралью, продѣваютъ сквозь нея ремень, на которомъ виситъ у нихъ пороховница. Литыя пули потому не употребляются промышленниками, что свинець отъ выливки въ форму дѣлается тверже, вслѣдствіе чего и наръзки на пулѣ, выдавливаясь слабо, служатъ причиною нецѣрнаго выстрѣла. Выколоченный же свинець несравненно мягче, и охотникъ, откусывая отъ прута сколько ему нужно, придаетъ круглую форму же-

ребейку зубами, между дѣломъ, ходя по лѣсу, покуда отыскиваетъ дичь. Винтовка заряжается слѣдующимъ образомъ: всыпается въ дуло немного пороху, потомъ внутри стволъ смазывается сальной тряпкою, навораченною на шомполъ, на отверстіе дула кладется пуля, нѣсколько большаго калибра, и придавливается такъ, чтобы на ней образовались выпуклости, соотвѣтствующія нарѣзкамъ винтовки. Затѣмъ пулю вгоняютъ въ дуло деревяннымъ прибойникомъ сначала не глубже какъ на вершокъ и осторожно, чтобы не измять у ствола краевъ, а потомъ догоняютъ до пороха шомполомъ, и тогда остается только положить пороху на полку. Зырянская винтовка бьетъ довольно цѣльно, хотя и не на большое разстояніе, шаговъ на пятьдесятъ, много на шестьдесятъ; моржовка бьетъ на сто двадцать шаговъ и далѣе. Изъ фунта пороху выходитъ въ винтовку слишкомъ 350 зарядовъ, полагая въ этомъ количествѣ и тотъ порохъ, который насыпается на полку и котораго половина, по причинѣ дурныхъ замковъ, обыкновенно теряется; такъ что ежели бы замки были съ пистонами, то изъ фунта пороху выходило бы 600 и болѣе зарядовъ.

Зыряне давно извѣстны какъ отличные стрѣлки и между ними есть такіе, которые очень рѣдко даютъ промахи, но изъ нихъ ни одинъ, даже самый лучший стрѣлокъ, никогда не стрѣляетъ съ руки, а всегда съ приклада, т. е. положивъ винтовку на сошки, которыя они почти всегда носятъ съ собой, или на сукъ дерева, если не взято сошекъ. Слабенькіе стрѣлки, кромѣ того, ставятъ подпорку подъ лѣвую мышку, чтобы при прицѣлѣ не поворохнуться. Слухъ, что зырянскіе промышленники, чтобы не попортить добычу, не иначе стрѣляютъ бѣлку, какъ въ носокъ, а рябчика въ головку, есть совершенная басня: обыкновенно бьютъ во что попало—въ грудь, въ бокъ, какъ случится.

Фиг. 3 Собака.

Во всемъ Зырянскомъ краѣ не отыщется ни одной деревни, въ которой бы молодые парни не умѣли обращаться съ ружьемъ мѣтко и съ тавтомъ. По врожденной склонности къ охотѣ, дѣти не требуютъ у отцовъ ни кафтановъ праздничныхъ, ни рубахъ красныхъ, ни шапокъ городскихскихъ, а со слезами просятъ кунить имъ винтовку, получивъ которую и начинаютъ бродить даже въ лѣтнее время по обрестнымъ лѣсамъ за молодыми рябчиками, тетеревами и куропатками.

Другъ, товарищъ и вѣрный помощникъ въ промысловыхъ предпріятіяхъ хозяина-охотника — это его собака. Здѣшнія собаки (фиг. 3) не принадлежатъ къ какой-нибудь рѣзко выдающейся породѣ: остроконечная морда, тонкія ноги, стоячія уши, иногда длинная шерсть, иногда гладкая, лоснящаяся, но всегда пушистый хвостъ — есть нѣчто среднее между волкомъ и пастушьей собакой. Ростъ не одинаковъ, цвѣтъ шерсти тоже; но большею частію здѣшнія собаки бываютъ черныя и пѣгія. Особенной дрессировки для приученія собакъ къ охотѣ Зыряне не дѣлаютъ, но для этого употребляютъ одинъ только натаскъ, т. е. молодая собака берется вмѣстѣ со старой въ лѣсъ, гдѣ она скоро и научается своему дѣлу. Но зырянскія собаки и безъ помощи охотника выучиваются своей профессіи въ тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ близко подходятъ лѣса; въ лѣтнее время рыжая бѣлка любитъ держаться на опушкѣ, прыгать по огородамъ, цѣпляться по крышамъ овинновъ и сараевъ. Здѣсь-то выслѣживаютъ сперва на глазъ, потомъ чутьемъ молодая собака проворнаго звѣрька и приучаются къ охотѣ на него съ самаго ранняго возраста. Зырянскіе мальчишки, всегда подоспѣвающіе въ этомъ случаѣ потравить бѣлку, гоняютъ ее съ крыши на крышу, съ дерева на дерево съ крикомъ, визгомъ и уханьемъ — и поддаютъ ищейкѣ того жару и не-

утомимости, кажимъ она всегда отличается въ отысканіи бѣлки.

Хорошій промышленникъ беретъ съ собою на охоту обыкновенно пару собакъ для того, чтобъ одна придавала болѣе энергіи другой въ отыскиваніи звѣря. Если собаки хорошаго натаска, вѣрны въ чутьѣ и зорки, когда звѣрь идетъ ходомъ по деревьямъ, то при двухъ собакахъ охотиться бываетъ удобнѣе и добычливѣе; но если которая-нибудь изъ собакъ облаивается, т. е. лаеетъ не по звѣрю, а по мѣсту, на которомъ когда-то былъ звѣрь, то такая собака сбиваетъ и опытную хорошую собаку, часто отвлекая ее своимъ лаемъ съ горячаго слѣда хорошей добычи. Въ такомъ разѣ промышленникъ ходитъ уже съ одною собакою и прискиваетъ себѣ другую, во всѣхъ отношеніяхъ пару къ собакѣ хорошо натаस्कаною, не жалѣя на покунку ея денегъ, такъ что, если позволяютъ средства, платитъ за собаку 15 — 20 рублей серебромъ.

Если собака одарена достаточною смѣтливостію, чтобы напасть на медвѣдя, и отличается такою задорливостію, что не обращаетъ вниманія на свои раны во время возни съ нимъ, то она для печорскаго охотника верхъ совершенства. Но эти свойства встрѣчаются въ здѣшнихъ собакахъ очень рѣдко, и потому одаренные ими псы цѣнятся чрезвычайно высоко. Выслѣдивъ звѣря, собака поднимаетъ громкій и протяжный лай, и охотникъ по тону этого лая безошибочно узнаетъ, съ какимъ звѣремъ предстоитъ ему имѣть дѣло: съ бѣлкою, куницею, соболемъ или съ крупнымъ звѣремъ: росомахою, медвѣдемъ. Рассказываютъ, что печорскіе промышленники, выстрѣливъ по звѣрю, не заряжаютъ своей винтовки до тѣхъ поръ, пока не услышатъ новаго лая собаки, судя по которому узнаютъ сослѣженную добычу и сообразно ей увеличива-

ютъ или уменьшаютъ пропорцію пороха въ зарядѣ. Удорскіе, вычегодскіе и промышленники около Устьсысольска этого не дѣлаютъ: они постоянно ходятъ съ заряженными винтовками. На какомъ бы высокомъ деревѣ ни скрывалась бѣлка или куница, или какъ бы быстро и ловко она ни перескакивала по вершинамъ могучихъ елей, она не скроется отъ обонанія и зоркости опытной ищейки. Громко, безпрестанно или прерывисто, смотря по звѣрю, лаеетъ она на дерево, на которомъ скрывается добыча, до тѣхъ поръ, пока не подоспѣетъ охотникъ, и когда звѣрь съ выстрѣла упадетъ, собака бросается къ нему, но вовсе не для того, чтобы подать его охотнику, а чтобы хорошенько помять, потрепать его такъ, что если охотникъ не подбѣжитъ вовремя, то долженъ бываетъ иногда проститься съ добычею.

Здѣшній охотничій песъ не избалованъ заботливостію о немъ и ласкою хозяина, который кормитъ его очень скудно; поэтому онъ не пропускаетъ ничего съѣстнаго, гдѣ бы оно ему ни попалось; отъ того-то для птичьихъ гнѣздъ онъ такой же опасный врагъ, какъ и лисица. Лѣтомъ, когда Зыряне не имѣютъ въ собакѣ никакой надобности, они совсѣмъ ее не кормятъ, разсуждая на счетъ этой статьи подобно Тургеневскому Ермолаю: «зачѣмъ пса кормить; песъ — животное умное, самъ себѣ найдетъ пищу». И дѣйствительно, зырянскій песъ очень умное животное: кромѣ всѣхъ его качествъ, о которыхъ мы говорили, онъ обладаетъ необыкновенною смѣтливостію; въ Печорскомъ краѣ разсказывается много анекдотовъ, гдѣ собака является спасительницею своего хозяина отъ явной смерти, то выводя его заблудившагося изъ лѣсной труппы на знакомую тропу, то спасая отъ звѣря, то предохраняя отъ злыхъ умысловъ завистливаго товарища.

Въ концѣ сентября мѣсяца, какъ только наступятъ порядочные холода, звѣрь вычистится и птицу можно бить въ прокъ, начинается у зырянскихъ промышленниковъ охота въ большихъ размѣрахъ, первое осеннее лѣсованье, продолжающееся около трехъ мѣсяцевъ. Второе лѣсованье, зимнее, начинается у Зырянъ съ января и продолжается до первыхъ чиселъ апрѣля, когда повѣтъ уже весной, звѣрь начинаетъ линять и спаривается птица. Охотники отправляются на лѣсовье изъ своихъ домовъ партіями отъ 2—5 и болѣе человекъ. Партія беретъ съ собою довольно порядочный запасъ харчей, состоящихъ изъ хлѣба, крупы, муки, масла, сухарей, соли, сала и проч. Василій Николаевичъ Латкинъ въ своемъ дневникѣ опредѣляетъ количество провизіи промышленниковъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: «отправляясь мѣсяца на три въ лѣсовье, каждый изъ промышленниковъ беретъ на свою часть: сухарей 4 пуда, сушеныхъ пироговъ съ крупой 1 пудъ, ячмой 1 пудъ, крупы 10 фунт., ячмой муки для собакъ 1 пудъ, масла 12 фунтовъ, свижаго сала для приготовления блиновъ 2 фунта, сухой рыбы 13 фунтовъ, говядины сырой 30 фунт., соли 10 фунт., пороху 3 фунта, свинцу 4 фунта, всего 10 пудовъ 6 фунтовъ на человека». Но это было въ прежнія времена, когда промыслы вполнѣ вознаграждали и расходы на нихъ, и труды, когда и звѣря и птицы было несравненно больше, населенія меньше и провизія дешевле. Нынѣ промышленники уже не роскошествуютъ такъ: блиновъ на лѣсовьи не пекутъ, масломъ кашицы не сдабриваютъ.

Промышленники отлучаются отъ мѣстъ своего жительства на лѣсовье верстъ за 100 и за 200, а изъ печорскихъ селеній за 400 и даже за 500 верстъ, уходя часто за Уральскій хребетъ, въ гористыя вѣтви юго-восточнаго склона, въ сибирскіе предѣлы. Изобиліе въ Зырянскомъ

краѣ большихъ рѣкъ, принимающихъ безчисленное множество мелкихъ притоковъ, которые вытекаютъ изъ глубины лѣсовъ, облегчаетъ охотникамъ перевозку провизіи и прочихъ занасовъ, необходимыхъ для ихъ промышленной жизни. Такимъ образомъ, пока рѣки еще не покрылись льдомъ, Зыряне нагружаютъ своимъ багажомъ лодки и ѣдутъ въ нихъ сами, дѣйствуя на кормѣ одноручнымъ, съ широкими лопатками на обоихъ концахъ, весломъ, а на носу обыкновенными распашными веслами. Зыряне дѣлаютъ свои лодки изъ толстыхъ осинъ, обшивая по бокамъ тонкими тѣсницами въ одинъ и два ряда, смотря по величинѣ лодки. Зырянскія лодки очень легки, такъ что на меляхъ, перевалахъ и волокахъ они очень свободно ихъ перетаскиваютъ.

Если при этихъ переѣздахъ застигнетъ промышленниковъ зима, т. е. рѣки замерзнутъ и подброситъ свѣжку, а до мѣста охоты еще далеко, то Зыряне выгружаютъ свои запасы изъ лодки на нарты (фиг. 4) и слѣдуютъ далѣе.

Фиг. 4. Нарта.

Нарты — особеннаго устройства узкія и длинныя сани. Онѣ дѣлаются изъ двухъ тоненькихъ полозковъ, шириною каждый не болѣе двухъ вершковъ. Передніе концы полозковъ загнуты вверху, какъ и у обыкновенныхъ саней. Въ полозья укрѣпляются по четыре копыла, длиною каждый въ аршинъ, и они связаны между собою посредствомъ тоненькихъ черемуховыхъ вязокъ. На эти вязки кладется

вдоль нартъ тоненькая дощечка, повыше которой дѣлаются на копылы нащепы, т. е. тоненькія еловые жерди, расщепленныя противъ копыловъ, которые въ эти щели и надѣваются. Дощечка укрѣпляется къ нащепамъ посредствомъ тоненькихъ, переплетенныхъ между собою, веревокъ. Къ переднимъ концамъ полозковъ прикрѣпляется въ горизонтальномъ положеніи тоненькая черемуховая дуга, къ которой привязывается поводокъ для тасканія нартъ. Такое устройство дѣлаетъ нарты чрезвычайно легкими и удобными на поворотахъ, — два качества, необходимыя для того, чтобы можно было увезти больше тяжести и при этомъ по такой мѣстности, гдѣ нѣтъ ни дороги, ни тропинки, а безпрестанно встрѣчаются довольно въ густомъ насажденіи деревья и мѣстами упавшія громадныя сухоподстойны, чрезъ которыя приходится перебираться.

По прибытіи на мѣсто, гдѣ думаютъ промышленники производить свои промысловыя занятія, они строятъ себѣ лѣсную баню — пывзань (фиг. 5), бревенчатую избушку въ семь-восемь рядовъ, покрывая ее на одинъ скатъ досками и насыная на крышу земли. Въ такой избушкѣ складывается въ углу печь, или, лучше сказать, каменка, подобная тѣмъ, какія бываютъ въ черныхъ деревянныхъ баняхъ. Двери въ пывзань дѣлаются низенькія и, непременно, плотно затворяющіяся, чтобы тепло, когда натопится баня, не выходило. По стѣнамъ избушки настилаются широкія нары: на нихъ промышленники снѣтъ, а иногда и нартятся. Пывзань — выдумка хорошая въ промысловой жизни Зырянъ. Утомленные охотники, иногда иззябшіе или промокшіе до послѣдней нитки, находятъ въ немъ теплый пріютъ, въ которомъ могутъ совершенно обсушиться. Только во время топки пывзана беспокоитъ дымъ; но потомъ, когда дрова прогорятъ, накалится каменка и дымъ выйдетъ то сдѣлается такъ тепло, что можно

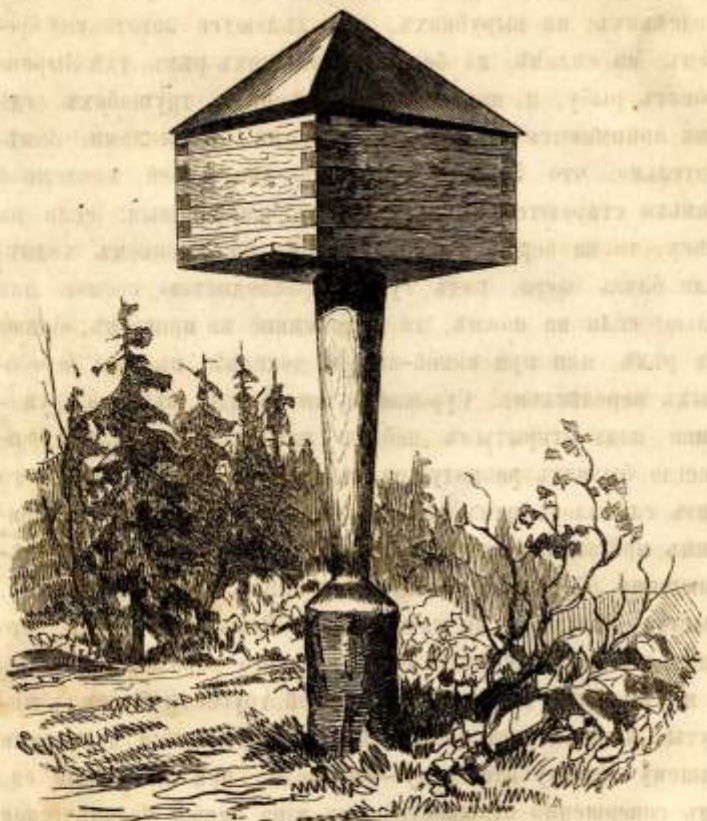
Фиг. 5. Пывзань.

спать раздѣвшись почти до-нага, какъ иногда и дѣлають Зыряне.

Зыряне любятъ строить пывзаны. Во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ производятся какія-нибудь работы, при которыхъ необходимы почевки, непременно надѣланы пывзаны, и потому встрѣчаешь ихъ на пожняхъ, на нустошахъ, на подеѣкахъ, на вырубкахъ, гдѣ дѣлаются заготовки бревенъ, на сплавѣ, на берегахъ большихъ рѣкъ, гдѣ Зыряне ловятъ, рыбу, и, наконецъ, въ лѣсныхъ трущобахъ, гдѣ они занимаются своими охотничьими промыслами. Замѣчательно, что Зыряне для постройки своей ночлежной баньки стараются выбирать мѣста живописныя: если въ лѣсу, то на берегу крутаго ручья, на высокомъ холмѣ, или близь озера, подъ густою раскидистою сосною или елью; если на пожнѣ, то непременно на пригоркѣ, ближе къ рѣкѣ, или при какой-нибудь долинкѣ, въ виду березовыхъ перелѣсковъ. Суровая душа нимада, вѣчнаго труженника подъ открытымъ небомъ изъ-за куска хлѣба, не всегда бываетъ равнодушна къ красотамъ природы. Много разъ случалось намъ видѣть, какъ въ часы отдыха Зырянинъ предавался глубокой мечтательности, слѣдя за убагающими облачками, закатомъ солнца, журчаніемъ воды, быстро бѣгущей по камушкамъ. Вотъ еще фактъ, что какъ въ призрачномъ блескѣ высшаго образованія, такъ и на низшихъ степеняхъ животной грубости бываютъ минуты, когда отдается человѣкъ всѣми своими чувствами нашему общему отечеству — природѣ; при созерцаніи ея, онъ совершенно отрывается отъ міра нашей человеческой жизни, съ его безконечною тревогою, съ его вѣчными заботами о паденномъ существованіи, съ его мучительною тоскою, съ его сознательнымъ несовершенствомъ, и, вдвываясь въ спокойную дѣятельность другого міра, отдыхаетъ на немъ душою.

При промышленничьихъ пивзанахъ всегда бываетъ выстроены чужанъ или амбаръ, съ видѣ голубятни, утвержденной иногда на четырехъ столбахъ, но чаще на одномъ, подтесанномъ къ низу конусомъ. Такой амбаръ называется шамья (фиг. 6). Отворяется онъ снизу, посредствомъ вы-

Фиг. 6. Шамья.

движной доски: въ него промышленники складываютъ свою провизію и добычу изъ предосторожности, чтобъ ихъ не расхитили звѣри, потому что за-частую случалось —

охотничьи припасы и дичь, прибранная въ пивзанѣ или закопанная гдѣ-нибудь по близости подъ деревомъ, бывала украдена рассомахой, большой искусницей на подобные хищническіе набѣги. Потому-то и столбъ у шамьи подтесывается съ верху въ низъ конусомъ, чтобы рассомаха не могла по немъ взлѣсть.

Пивзаны строятся въ лѣсахъ всегда по рѣчкамъ. Около Устьсысольска по рѣчкѣ Лѣмьѣ, вытекающей изъ глубины большого лѣса и впадающей въ Вычегду, настроено промышленниками множество пивзановъ на разстояніи 7-ми, 10-ти и 13-ти верстъ другъ отъ друга. Въ печорскихъ лѣсахъ эти промежутки несравненно больше, потому что охотничьи партіи тамъ формируются многочисленныя, следовательно для ихъ лѣсованья и мѣста нужно больше.

Поселившись въ извѣстномъ пивзанѣ, промышленники начинаютъ свои рысканья по лѣсамъ за звѣремъ и птицею. Каждый вечеръ они сходятся въ пивзанъ и сваливаютъ свою добычу въ общую складчину, дѣлежь которой бываетъ, послѣ окончанія лѣсовья, поровну между всеми товарищами. Если случится промышленнику при преслѣдованіи бѣлки или куницы забраться далеко отъ пивзана, такъ что на обратномъ пути его застигнетъ ночь въ дремучемъ лѣсу, то онъ и ночью возвратится къ своимъ товарищамъ. У него на такіе случаи есть путеводительница—матка—маленькій комнасъ, состоящій изъ кругленькой деревянной коробочки, въ которой за стекломъ на тоненькомъ стержнѣ обращается магнитная стрѣлка. Съ верху стрѣлки положенъ кружокъ съ разноцвѣтными полосками отъ центра къ окружности, обозначающими страны свѣта. Съ маткою Зырянинъ никогда не заблудится и непременно выйдетъ на тотъ пунктъ, на который ему нужно. Эти комнасы достаютъ Зыряне изъ Архангельска. Но и безъ комнаса промышленникъ въ лѣсу не со-

бьется съ пути, который онъ отыскиваетъ еще по слѣдующимъ примѣтамъ: съ той стороны, гдѣ у деревьевъ кора грубѣе, толще и съ большими трещинами — съверь, а гдѣ нѣжнѣе, тоньше и съ меньшими трещинами — тамъ югъ: сучья у деревьевъ на сторонѣ, обращенной къ съверу, короче и жиже хвоей, а на сторонѣ, обращенной къ югу, особенно у толстыхъ деревьевъ, длиннѣе и гуще.

Собравшись въ пывзанъ на ночное время, сейчасъ же начинаютъ въ котелкѣ готовить себѣ кашину изъ солонины и крупы, съ прибавкою небольшого количества соли, если скоромное время, и изъ сушеной рыбы и крупы, если постное время. Послѣ утоленія голода, занимаются сдираніемъ шкуръ съ убитыхъ звѣрей, мясомъ которыхъ тутъ же кормятъ собакъ своихъ. Это дѣлается при свѣтѣ ночника, состоящаго изъ плашки, въ которую налито сало и воткнута свѣтильня. Промышленники теперь на отдыхѣ, въ совершенномъ покоѣ, сытно позавтракали ужиномъ, имъ тепло въ жарко-нагрѣтомъ пывзанѣ, они все работаютъ около ночника въ разболочку, въ однихъ рубахахъ, и весело перебрасываются разговорами. Бесѣда идетъ обыкновенно объ удачахъ и неудачахъ проведеннаго въ охотѣ дня, причемъ надъ охотниками, сдѣлавшими какую-нибудь оплошность: прозѣвавшими звѣря или выпустившими нѣсколько пустыхъ выстрѣловъ по немъ, *зубоскалятъ*, т. е. подтруниваютъ, для чего зырянскій языкъ изобилуетъ своеобразными, весьма мѣткими выраженіями, съ прибаутками и поговорками.

Когда въ районѣ пывзана, въ которомъ поселились промышленники, звѣрь и птица начинаютъ попадать рѣже, партія перекочевываетъ далѣе въ слѣдующіе пывзаны, если они не заняты другою партией, или идутъ на новыя мѣста, на которыхъ строятъ новые пывзаны. Такимъ образомъ, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, промышленники

заходятъ въ глубь лѣсовъ на далекія пространства. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ начинаютъ они свой обратный путь, потому что въ началѣ декабря имъ непременно нужно придти домой для сбыта своей добычи закупщикамъ, являющимся въ это время въ ихъ селенія.

Самый важный, что называется — валовой предметъ охоты зырянскихъ промышленниковъ составляетъ изъ звѣрей — бѣлка и горностаи, а изъ птицъ — рябчикъ. Встрѣча съ рысью, росомахой, медвѣдемъ и другими звѣрями — есть дѣло случая. Скажемъ о бѣлкѣ.

Бѣлки водятся въ изобиліи въ тѣхъ лѣсахъ припечорья, въ которыхъ много встрѣчается кедра, потому что любимая пища ихъ — кедровые орѣхи. Устраивая «гойна» (гнѣзда) на вѣтвяхъ и въ дуплахъ, бѣлки обитаютъ въ нихъ парно. Самки ходятъ ценными съ небольшимъ мѣсяцъ и бросаютъ дѣтей весной и осенью, выводя каждый разъ отъ 6 до 10 щенятъ. Весенніе дѣтеныши плодятся, въ свою очередь, въ тотъ же годъ и уже готовы осенью для стрѣльбы. Промышленники, рассказывая о плодливости бѣлокъ, утверждаютъ, что отъ одной пары въ одинъ годъ разводится поколѣніе до сорока штукъ. Вотъ причина, по которой и до сихъ поръ еще много бѣлки въ нашихъ сѣверныхъ лѣсахъ, несмотря на страшное и ежегодное ея истребленіе.

При изобиліи кедровыхъ орѣховъ, бѣлки проводятъ въ кедровинахъ круглый годъ, не трогаясь съ мѣста; но, при недородѣ орѣховъ, онѣ переселяются стадами въ другіе хвойные лѣса и питаются губкою (паразитными наростами на пняхъ), шишками съ ели и сосны и даже березовыми почками. Нѣкоторые промышленники рассказываютъ, что смола, заключающаяся въ сосновой шишкѣ, пристасть къ бѣлкѣ и иногда заклеиваетъ ей ротъ до того, что она не въ состояніи его раскрыть; тогда несчастный

не охотятся. Съ наступленіемъ осени, мѣхъ становится постепенно гуще, пышнѣе и теряетъ рыжеватость; поздняя осенняя бѣлка, называемая «синюхою», уже подходитъ къ зимней. Синюха дешевле зимней бѣлки 20-ю или 30-ю процентами.

Бѣлка съ осени и въ началѣ зимы, пока снѣгъ не глубокъ, высѣживается промышленниками посредствомъ собакъ. Лая собаки бѣлка не только не боится, но даже любитъ его; сидя на деревѣ и смотря пристально на собаку, она стрекочитъ и рѣвится; но лишь только увидитъ охотника, тотчасъ забирается на дерево все выше и выше и причется такъ искусно въ вѣтвяхъ, что совершенно пропадаетъ изъ виду, особенно если она идетъ по ели, и если на вѣтвяхъ есть навалъ снѣга. Поэтому, во избѣжаніе потери времени на напрасные поиски, промышленники ходятъ на бѣлку по двое: одинъ выколачиваетъ бѣлку, т. е. стучитъ обухомъ топора по тому дереву, на которое собака лаетъ, а другой стоитъ въ отдаленіи и держитъ винтовку на-готовѣ, — и лишь только пошевелится звѣрекъ или перепрыгнетъ съ вѣтки на вѣтку, промышленникъ по немъ стрѣляетъ.

Промышленники различаютъ два рода бѣлокъ: одну они называютъ бѣлка—ходою, другую бѣлка—сѣдунъ. Дѣйствительно, одна бѣлка при слѣдованіи тѣнется, другая быстро идетъ, скачетъ съ дерева на дерево до тѣхъ норъ, пока не утомится. Однакожь это вовсе не двѣ разновидности бѣлокъ. Свойство ходкости и расположеніе къ снѣгу у этого звѣря совершенно зависятъ отъ состоянія погоды. Въ ясную, свѣжую погоду, какъ и выше было замѣчено, бѣлка вообще бываетъ жива, такъ что заставляетъ иногда охотника гнаться за собою по нѣсколькимъ верстѣ; въ теплую, тихую и сырую по году она расположена болѣе къ неподвижности и спокойствію. Въ такое

время она болѣе сидитъ, потому что мокрая дѣлается не способна къ скорому ходу, и пушистый хвостъ ея уже не въ состояніи поддерживать ее при прыжкахъ съ дерева на дерево. Въ слишкомъ вѣтряную погоду бѣлка идетъ по землѣ, потому что шумъ вѣтвей и качка деревъ безпокоятъ ее на лѣсу. Но, увидѣвъ охотника или собаку, она въ ту же минуту стремительно поднимается на лѣсъ.

Такъ каждый день съ ранняго утра и до поздняго вечера продолжаютъ охотники странствовать съ своими неустоимыми собаками за бѣлкою по лѣсамъ въ окрестностяхъ пывзана, избраннаго партією. Наконецъ нападаетъ много снѣгу, глубина его увеличивается до такой степени, что уже собакъ нельзя сопровождать охотника, она тонетъ въ рыхломъ снѣгу по уши и не въ состояніи пробѣжать по немъ четверти версты, да и самому промышленнику прекратилась возможность ходить по лѣсамъ въ однихъ своихъ пимахъ (оленьи сапоги); пора надѣвать лыжи и измѣнить совершенно порядокъ охоты. Зырянскія лыжи вполне приваровлены къ легкости и быстротѣ хода по глубокому снѣгу. Онѣ дѣлаются изъ еловыхъ досокъ, длина которыхъ не превышаетъ трехъ аршинъ, ширина вершка въ четыре, толщина по самой серединѣ, гдѣ утверждается нога, около четверти дюйма; къ бокамъ же и концамъ тоньше. Концы лыжъ слегка округлены, такъ что представляютъ криволинейные углы, и впереди загнуты къ верху, а середина выгнута на ногѣ нѣсколько дугою. Этотъ выгибъ поддерживается оленьими жилами, положенными во всю длину лыжи, и даетъ имъ удивительную быстроту: стоитъ только ступить и слегка давить лыжу ногой, чтобъ она быстро двинулась впередъ. Снизу лыжи облеиваются кисами, т. е. оленью шкурой, содранной съ ногъ, при чемъ принимаютъ въ соображеніе, чтобы движеніе впередъ приходилось по шерсти, а не противъ шерсти.

Эта обшивка дает скользкость вперед, тогда какъ, наоборотъ, шерсть представляетъ достаточное сопротивленіе тому, чтобы лыжа не подавалась назадъ, что особенно необходимо при подъемахъ на гору. Края шкуры, загнутые кромкой на верхней сторонѣ лыжи, никогда не отстаютъ отъ дерева: такъ прочно они къ нему приклеены какой-то особенною мастикой. По срединѣ лыжи дѣлаются ременныя путы, въ которыя продѣвается посокъ ноги, обутой въ пимы, и сзади концами ремней затягивается нога на пяткѣ, чтобы не катилась назадъ. На то мѣсто лыжи, гдѣ становится нога, прибивается толстое бересто, которое служитъ къ тому, чтобы снѣгъ, падающій подъ ноги, не прилигалъ ни къ пимамъ, ни къ лыжамъ, потому что съ бересты, не принимающей въ себя мокроты, онъ соскальзываетъ, отъ чего не теряется ловкость управленія лыжей и нога не скользитъ по ней.

Въ рукахъ промышленника, идущаго на лыжахъ, имѣется посохъ, у котораго на нижнемъ концѣ придѣлывается обручъ, прикрѣпленный къ посоху посредствомъ ремня или веревочнаго переплета, продѣтаго въ дырочку, прожженную въ посохѣ. Обручъ не позволяетъ посоху тонуть глубоко въ снѣгу. Цѣль посоха та, чтобы упираться имъ, отъ чего значительно увеличивается быстрота хода; также—та, чтобы легче можно было вставать промышленнику въ томъ случаѣ, когда онъ упадетъ и, наконецъ, чтобы сбивать съ лѣса кухту во время хода. На верхній конецъ посоха насаживается желѣзный крючокъ, длиною вершка въ три: онъ служитъ пособіемъ при подъемахъ на горы, при чемъ промышленникъ крючкомъ зацѣпляется за деревья и кустарники.

Мы сказали выше, что вмѣстѣ съ глубокимъ снѣгомъ промышленникъ, вооруженный лыжами, измѣняетъ самый способъ охоты на бѣлку. Стрѣльба изъ винтовки прекра-

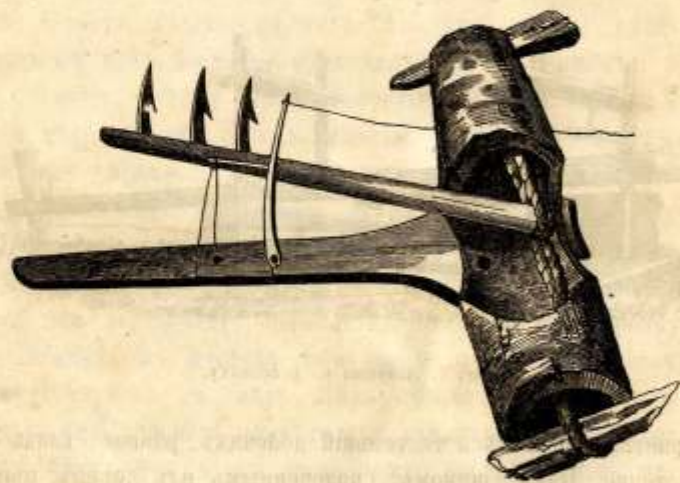
щается, наступаетъ время ловли звѣря въ различнаго рода ловушки. При этомъ винтовка берется съ собою только на тотъ случай, когда охотникъ нечаянно натолкнется на рябчика, или мимоходомъ замѣтитъ бѣлку, перепрыгивающую съ одного дерева на другое. Ловушки ставятся по разнымъ направленіямъ отъ пывзана и иногда на разстояніи отъ него верстъ на пятнадцать и даже болѣе. Онѣ готовятся различнымъ способомъ, смотря по звѣрю, для котораго назначаются. Для росомахъ, напримѣръ, устраиваются западни (фиг. 7): для постановки ихъ вы-

Фиг. 7. Ловушка на росомаху.

бирается среди лѣса чистенькій долочникъ, ровное, гладкое мѣстечко. Надъ ящикомъ, сколоченнымъ изъ досокъ, придѣланъ тяжелый деревянный брусъ, который заднимъ своимъ концомъ прикрѣпленъ посредствомъ кола къ землѣ, но такъ, однакожь, что онъ на этомъ колѣ легко подвигается въ отвѣсномъ направленіи. Передній брусъ поднятъ такъ высоко, чтобы звѣрь удобно могъ пролѣзть подъ нимъ въ ящикъ, и держится въ этомъ положеніи посредствомъ деревяннаго колышка, который, будучи прикрѣпленъ подвижнымъ образомъ къ боромыслу, другимъ концомъ зацѣпленъ за небольшой выступъ въ брусѣ.

Другой конец коромысла соединяется посредством шнура съ находящимся въ ящикѣ подвижнымъ язычкомъ, такъ что при малѣйшемъ прикосновеніи къ язычку онъ тотчасъ соскочитъ. За язычкомъ положена приманка, которой росомаха не можетъ достать, не толкнувъ язычка. Лишь только она это сдѣлаетъ, шнурокъ соскакиваетъ и поддерживаемый имъ брусъ, наваленный еще камнемъ, убиваетъ хищницу. Въ такіа западни иногда попадаетъ и куница. На приманку употребляютъ мясо какое понало: ободранныхъ бѣлокъ, зайца, тетерева и даже ворону.

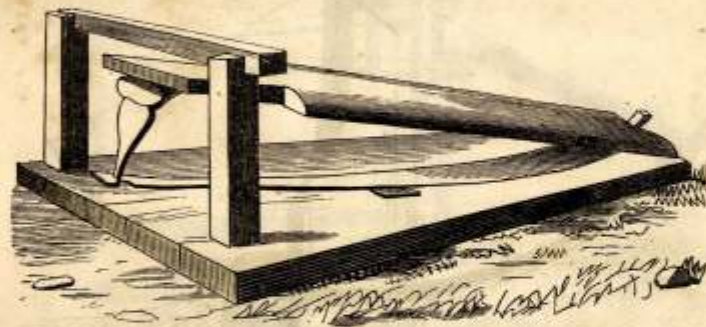

Фиг. 8. Клясы.

Волки, которыхъ впрочемъ весьма не много въ Зырянскомъ краѣ, и лисицы попадають иногда въ клясы, устраиваемыя зырянскими охотниками на крупныхъ звѣрей (фиг. 8). Клясы ставятся по тропинкамъ, которыми ходятъ звѣри. Одинъ рычагъ безъ крючьевъ прикрѣпляется къ землѣ. Шнурокъ отъ язычка протягивается черезъ дорожку и привѣшивается къ дереву, а на дорожкѣ закры-

вается кустарникомъ. Проходящій по дорожкѣ звѣрь дернетъ за язычекъ, а лапа другаго рычага ударяетъ его съ необыкновенною силою. Такая кляса бьетъ оленя и рысь. Говорятъ, что если волкъ уйдетъ отъ клясы, то ужъ никогда не пойдетъ по той самой тропинкѣ.

Въ бѣличьи западни (фиг. 9) кладется весьма оригинальная приманка: на мхахъ растутъ небольшіе, кругленькіе, красножелтые грибки, называемые губки, по зырянски *уръ-чакъ*. Бѣлка ѣстъ эти грибки съ чрезвычайною жадностію. Промышленники набирають губокъ еще съ

Фиг. 9. Бѣличья западня.

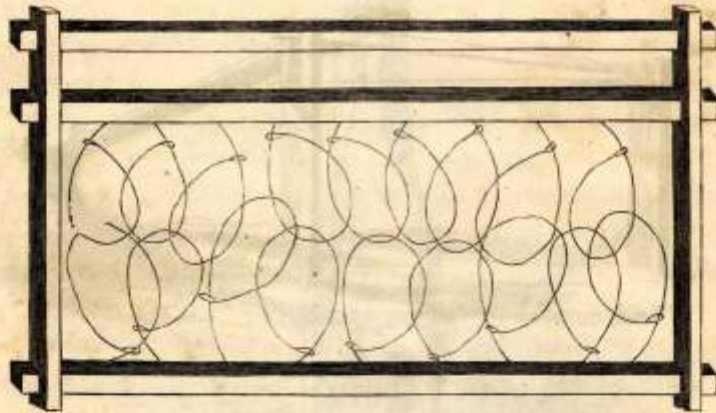
осени, и чтобъ они не испортились и не завяли, слегка присаливаютъ. Эти грибки кладутся въ бѣличью ловушку на дощечку, къ которой прилаживается сторожокъ.

Горностаи цѣнятся дороже бѣлокъ. Заслыша собаку, горностаи тотчасъ прячутся въ свою норку подъ камнемъ или подъ корнемъ дерева; собака не въ состояніи достать его оттуда и охотнику развѣ только случайно удастся убить изъ винтовки горностаю; поэтому звѣрьковъ этихъ добываютъ преимущественно посредствомъ западни и петель. Въ большомъ употребленіи на горностаевъ сварядь

падаетъ въ силки и остается въ нихъ до прихода охотника (фиг. 12).

Хорошая зимняя горностаевая шкура изъ первыхъ рукъ стоитъ отъ 20 до 30 коп. серебромъ.

Число ловушекъ у каждаго промышленника бываетъ различно: сто, двѣсти и даже восходить до шести и восьми сотъ штукъ. Но такое большое количество настоужекъ бываетъ только около старыхъ пывзановъ, строенныхъ еще отцами, гдѣ ловушки заготовлены издавна и гдѣ отыскиваютъ ихъ промышленники по затесямъ, т. е. по мѣ-

Фиг. 12. Ловушка на горностаю.

камъ, положеннымъ на деревья топоромъ, которымъ дѣлаютъ на стволѣ дерева тесокъ.

Въ короткій зимній день едва хватить у охотника времени обойти всѣ настоужки. Возвращаясь въ пывзанъ уже вечеромъ, промышленникъ, послѣ снятія шкуры со звѣрей, готовитъ новыя ловушки, которыя поутру несутъ на замѣченныя имъ удобныя мѣста, и разставляетъ. Такъ проходятъ въ этомъ занятіи хотя и однообразно, но незамѣтно цѣлыя недѣли, и вотъ наступаетъ, наконецъ, время возвращаться охотникамъ въ свои селенія, сбывать

добычу, отдохнуть и повидаться съ бабами. Провизія уже подобралась; ее едва достанетъ на обратное путешествіе: пора къ домамъ. Обойдя сосѣдніе пывзаны, оповѣстивъ въ нихъ другихъ промышленниковъ о своемъ намѣреніи возвратиться домой, Зыряне въ назначенный день двигаются въ путь въ слѣдующемъ порядкѣ: передовой охотникъ идетъ на лыжахъ на легкѣ, ему всѣхъ тяжелѣе, потому что приходится пробивать цѣликъ; по его лыжицѣ *) слѣдуютъ товарищи уже съ какою-нибудь ношею; въ заключеніе везутъ нарты, наполненныя остатками провизіи и добычей; за нартами бредутъ собаки по слѣду уже довольно убитому ходами, такъ что снѣгъ на лыжицѣ ихъ сдерживаетъ и онѣ идутъ безъ затрудненія. Обратное шествіе промышленники направляютъ по пывзанамъ, которые дѣлаютъ своими ночлегами. И чѣмъ ближе подходятъ охотники къ своимъ домамъ, тѣмъ число ихъ увеличивается болѣе и болѣе, потому что къ одной обратной партіи по пути изъ пывзановъ пристають и другія и такимъ образомъ возвратъ иногда совершается многочисленнымъ караваномъ, со множествомъ нартъ и собакъ. Если такимъ возвратнымъ партіямъ выпадетъ большой переходъ, на которомъ не встрѣтится теплаго пывзана для ночевки, то промышленники устраиваютъ для нея наскоро шалашъ изъ еловыхъ вѣтвей въ двѣ загородки, располагая такъ, чтобы переднія, открытыя стороны, обращены были одна къ другой; между загородками разводится огонь. Снѣгъ въ загородкахъ наплотно утопчутъ и натепо устелютъ мелкими вѣтвями хвои. Сдѣлавъ на привалѣ такой шалашъ, сейчасъ же принимаются промышленники варить себѣ на ужинъ кашу, заправившись которой, преспокойно укладываются они на сонъ грядущій, не обращая никакого вниманія на страшный морозъ, доходящій

*) Слѣдъ, проложенный лыжами.

иногда до двадцати и болѣе градусовъ. Противъ холода у нихъ придумано очень остроумное средство нагрѣванія шалашей ночнымъ огнемъ, который они поддерживаютъ слѣдующимъ способомъ: берутъ два сухія бревна и въ каждомъ изъ нихъ во всю длину вырубаютъ по жолобу. Одно бревно кладется на снѣгъ вверхъ жолобомъ, который наполняется горячими угольями; на нихъ кладется другое бревно жолобомъ внизъ, такъ что раскаленные уголья будутъ находиться между жолобами, какъ бы въ трубѣ. Въ этомъ положеніи оба бревна удерживаются сырыми тычками, вбитыми по концамъ бревна глубоко въ снѣгъ. Огонь отъ угольевъ сообщается обоимъ бревнамъ, но, отъ недостатка воздуха, не можетъ вспыхнуть пламенемъ. Теплый дымъ вылетаетъ изъ обоихъ концовъ трубы и кружится въ шалашѣ надъ спящими, которые, закутавшись въ свои одежды, лежатъ рядомъ одинъ подлѣ другого, ногами къ очагу. Этотъ дымъ распространяетъ въ шалашѣ такую теплоту, что безъ труда можно проспать всю ночь на снѣгу, не чувствуя холода при двадцати градусномъ морозѣ на воздухѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что промышленники часто спятъ въ такихъ шалашахъ босые, потому что онучи и обувь ихъ развѣшиваются на ночь надъ горячимъ дымомъ для просушки.

По возвращеніи съ лѣсовья, Зыряне предаются дома совершенному бездѣйствію. Въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль они въ полномъ смыслѣ отдыхаютъ, валяясь на печи, если есть достатки, учинная вышивку и парясь безпрестанно въ банѣ. Въ концѣ января партіи промышленниковъ отправляются на новое лѣсовье.

Количество добычи, прибрѣтенное партіею за одно лѣсовье, бываетъ разное: хорошо если по дѣлежѣ доставается на каждаго охотника по 80 — 100 бѣлокъ; болѣе добывается рѣдко; худо, если по 40 — 60 штукъ. Если же

случается, что на партію перепадетъ нѣсколько штукъ куницъ, да еще черная или чернубурая лисичка, то охотники считаютъ уже себя въ очень большихъ барышахъ, хотя бы въ бѣлкахъ оказывался значительный недоборъ.

До сихъ поръ мы подробно рассказывали объ охотѣ зырянскихъ промышленниковъ на бѣлку, какъ на одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ ихъ промысловъ. Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ охотѣ на рябчиковъ, составляющихъ послѣ бѣлки самую значительную доходную статью, которую берутъ Зыряне съ матушки сѣверной природы. Это видно изъ того, что изъ одного Устьемьсоляскаго уѣзда вывозится на продажу въ Москву и Петербургъ въ добычливый годъ до 200 тысячъ паръ этой дичи, на сумму до 40.000 руб. серебромъ.

Съ наступленіемъ первыхъ осеннихъ морозовъ Зыряне отправляются за рябчикомъ сначала по ближайшимъ лѣсамъ, лежащимъ около своихъ деревень. Тутъ они выбиваютъ и вылавливаютъ петлями рябчика почти на-чисто. Пока рябчики не разбиты, т. е. пока они держатся полными сводами*), охота за ними не трудна: отысканный охотниками сводъ, иногда состоящій изъ пяти шести паръ, съ шумомъ подымается съ земли и тутъ же садится на деревья, на самые нижніе ихъ сучья. Опытный глазъ промышленника сразу замѣтитъ, гдѣ какой сѣлъ рябчикъ, и не сходя съ мѣста охотникъ можетъ убить изъ своей винтовки поочередно нѣсколько штукъ. Не напуганные рябчики сначала не боятся тонкаго хлопка винтовки, смирно сидятъ по сучкамъ или, вытягивая головки, стрекочутъ. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ сводъ снимется и летитъ далѣе. Второй перелетъ ихъ бываетъ несравненно длиннѣе и они садятся на деревья выше. Но промышленникъ

* Сводъ, выводокъ, — рябчиковое семейство.

безъ труда отыскиваетъ ихъ и во второй разъ. Надобно замѣтить, что полетъ у рябчика совершенно прямой и стоитъ только идти по направленію его полета, непременно его отыщешь. Затрудненіе состоитъ только въ томъ, чтобъ осмотрѣть рябчика на деревѣ: на это нужны большой навыкъ, смѣтливость и зоркость—качества которыя имѣетъ каждый изъ промышленниковъ, охотившихся на эту дичь.

Чѣмъ чаще спанивается рябчикъ, тѣмъ дальше онъ летитъ, тѣмъ выше садится на дерево и начинаетъ таяться. Тогда охотникъ подаетъ въ дудку: разлетѣвшіеся рябчики отъликаются, а иногда и подлетаютъ на обманчивый свистокъ. Естественно, имъ хочется собраться снова въ одну семью. Тутъ убивается еще нѣсколько штукъ: наконецъ, окончательно нануганные дѣлаютъ самый большой перелетъ и забираются въ вершину ели или вихты. Промышленникъ оставляетъ тогда преслѣдованіе этихъ рябчиковъ и идетъ отыскивать новый сводъ, съ которымъ начинается та же исторія. Въ охотѣ на рябчиковъ собака не берется: она здѣсь не можетъ принести промышленнику никакой пользы, а скорѣй испортитъ охоту, потому что отъ собаки рябчикъ таятся и не отъликается на дудку.

Исходивши всѣ рябчиковыя мѣста по близости своихъ деревень, промышленники соединяются также въ партіи и отправляются за рябчиками въ лѣсовья, въ отдаленныя мѣстности, гдѣ и производятъ на эту дичь охоту вышеописаннымъ порядкомъ.

Лучшими рябчиками считаются печорскіе: они очень крупны и сочны мясомъ; но не потому, чтобы питались кедровыми орѣхами, какъ увѣряютъ многіе, не знающіе, что рябчикъ никогда не употребляетъ кедровыхъ орѣховъ въ пищу, а потому, что въ припечорья множество богатыхъ ягодниковъ, изобилующихъ брусникой, клюквой и черницей, любимую пищу рябчика, и потому что печор-

скіе охотники начинаютъ позже ихъ быть, такъ что рябчикъ успѣетъ вполне развиться. Настрѣлянную и паловленную дичь Зыряне, до сбыта ея, хранятъ во ржи, въ амбарныхъ засѣкахъ. Этотъ способъ сохраненія дичи отъ порчи во всеобщемъ употребленіи у всѣхъ промышленниковъ и оказывается при оттепеляхъ самымъ лучшимъ.

Но кромѣ стрѣльбы рябчиковъ изъ винтовокъ, множество переводится ихъ петлями и слопами, особенно около Устьсысольска и Яренска, гдѣ является возможность постоянного сбыта дичи въ городъ. На Печорѣ и въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Зырянскаго края за дичеустребитель-

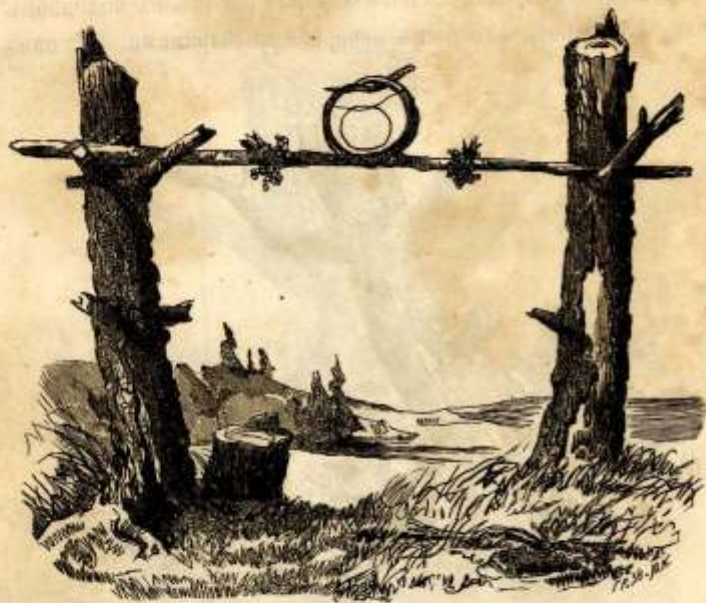
Фиг. 13. Давущка на глухара и косача.

ную петлю по крайней мѣрѣ принимаются во время, когда дичь совершенно выполнится и наступитъ пора бить ее для продажи; около городовъ же ловлю петлями начинаютъ съ первыхъ чиселъ августа, когда рябчикъ еще далеко не дошелъ до своего полного роста. Слопы, петли и различнаго рода давущки на дичь Зыряне употребляютъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Фиг. 13 изображаетъ западную или слопа, который промышленники ставятъ на глухарей, рябчиковъ и тетеревей-косачей. Онъ вообще сходенъ съ фиг. 6, только дѣлается изъ тонкихъ досокъ. На песчаныхъ открытых мѣстахъ въ лѣсу и въ особенности по рѣчному берегу, гдѣ дичь собирается и бѣгаетъ

хвой (фиг. 16). Эти вѣтки загибаются и связываются въ верху. За тѣмъ привѣшивается къ нимъ силокъ, а надъ нимъ пучокъ рябиновыхъ ягодъ. Рябчикъ, завидя рябину, садится на палку и, желая достать ягоды, бѣгаетъ взадъ и впередъ и попадаетъ въ петлю.

Въ низкихъ ивовыхъ кустарникахъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя граничатъ къ тундрѣ, водится безчислен-

Фиг. 16. Силокъ на рябчика.

ное множество бѣлыхъ куропатокъ или, какъ ихъ называютъ, снѣжныхъ тетеревей. Въ началѣ зимы, когда ихъ сѣрѣя лѣтнія перья начнутъ бѣлѣть, собираются онѣ стадами въ нѣсколько сотъ и, чуть отдѣляясь отъ бѣлизны снѣга, бѣгаютъ въ чащѣ равитника, питааясь его почкою. Промышленники навязываютъ на вѣтки кустарника тысячи силковъ, въ которые куропатки запутываются шейками или

ногами. Въ первомъ случаѣ онѣ скоро удавливаются, во второмъ, трепясь въ напрасныхъ усиліяхъ освободиться, онѣ обыкновенно ломаютъ увязшій членъ и въ непродолжительномъ времени околѣваютъ отъ стужи. Куропатокъ истребляется въ Припечорьи петлями страшное множество, такъ что онѣ продаются здѣсь уже изъ вторыхъ рукъ по 5 — 6 коп. за пару.

Давленая дичь цѣнится несравненно дешевле стрѣляной: закупщики избѣгаютъ ее въ покупкѣ и становятся въ бракъ. Промышленники, чтобы сбыть давленныхъ рябчиковъ за убитыхъ изъ винтовки, прибѣгаютъ въ этомъ разѣ къ очень простой уловкѣ: они шиломъ или просто гвоздемъ дѣлаютъ ранку на головкѣ рябчика такой величины, какая бываетъ отъ винтовочной пульки, и затѣмъ увѣряютъ, что рябчикъ стрѣлянъ. Этой уловкѣ Зыряне научились въ позднѣйшія времена; прежде такихъ штукъ они не знали, да и знать не хотѣли.

Большимъ похитителемъ добычи у промышленниковъ при ловлѣ слонами и петлями является медвѣдь, великій охотникъ до дичи. Случается что, повадившись по слонамъ и другимъ ловушкамъ, онъ начисто обираетъ всю понавшуюся въ нихъ добычу, ничего не оставляя охотнику. Въ такомъ разѣ промышленники ополчаются уже на медвѣдя: ставятъ на тропѣ тяжелые медвѣжьи капканы, настораживаютъ самострѣлы, а всего чаще подстерегаютъ топтыгу на лабазахъ, построенныхъ на толстомъ деревѣ, близъ медвѣжьей тропы, и бьютъ его жеребьями изъ широкодульныхъ ружей. На такихъ же лабазахъ подстерегаютъ медвѣдей осенью, когда они, задревъ въ лѣсу козову или лошадь, ходятъ къ ней на поѣдъ. Вообще же зырянскіе промышленники не любятъ и боятся охоты за Михайль-Иванычемъ, избѣгая весьма опасной съ нимъ встрѣчи. Если же случай натолкнетъ промышленника на

медвѣжьё берлогу, то одинъ охотникъ никогда не рѣшится напасть на медвѣда, а оповѣститъ товарищей; тогда соберутся нѣсколько человекъ съ широкими ружьями и, на всякій случай, съ рогатинами и тихо приближаются къ берлогѣ; сперва заваливаютъ берлогу на-глухо кряжами, чтобы медвѣдь не въ состояніи былъ оттуда вылѣзть, и затѣмъ стрѣляютъ въ него на-удачу, сверху, сквозь снѣгъ, до тѣхъ поръ, пока не слышно будетъ въ берлогѣ стонъ; тогда раскапываютъ берлогу и вытаскиваютъ оттуда убитого медвѣда. Но не разъ случалось, что слабо раненный топтыга и притаившійся въ углу берлогѣ, гдѣ пули его не хватили, — когда разваливали кряжи, стремительно вырвался изъ своего логовища и задавалъ трусливымъ Зырянамъ страшную поероху.

Осаду медвѣда въ берлогѣ дѣлаютъ зырянскіе промышленники еще и другимъ способомъ: нарубаютъ множество вершинъ съ елей и пихтъ, длиною въ сажень, и подходятъ съ этимъ добромъ къ медвѣжьей берлогѣ. На свѣсившихся подъ берлогою древесныхъ сучьяхъ охотники высматриваютъ мѣсто, гдѣ толще куржакъ, т. е. иней, который свидѣтельствуетъ о вѣяніи большого тепла отъ дыханія медвѣда и бываетъ обыкновенно противъ отверстія берлоги; опредѣливъ по куржаку отверстіе, промышленники начинаютъ осторожно разрывать въ этомъ мѣстѣ снѣгъ и прислушиваются къ царапанью въ берлогѣ. Иногда охотники прежде всего завидятъ траву, которою затыкаетъ медвѣдь отверстіе берлоги съ осени, а иногда, заслышавъ близкое царапанье звѣря, втыкаютъ поскорѣе въ это мѣсто вершинку комлемъ впередъ; медвѣдь схватываетъ дерево и втаскиваетъ къ себѣ. Вслѣдъ за первою вершиною, втыкается вторая, третья и т. д. Звѣрь, озлобясь, все втаскиваетъ къ себѣ, ворочается въ берлогѣ, рычитъ, но вытолкнуть хвою въ то же отверстіе не можетъ, этому пре-

пятствуютъ вѣтви, направленные не по пути и задѣвающие за края берлоговищнаго отверстія. Случается, что медвѣдь, сжатый въ одну сторону, перестаетъ втаскивать вершины, замолвнеть и потихоньку начинаетъ скрестись въ другомъ мѣстѣ; слѣдовательно въ берлогѣ еще есть отверстіе другое; промышленники сѣдаютъ къ нему и начинается та же исторія съ вершинами. Медвѣдь, стѣсненный въ берлогѣ до послѣдней крайности, начинаетъ страшно реветъ, и тогда охотники безошибочно опредѣляютъ по реву его мѣстопребываніе, разрубаютъ прямо противъ звѣря дыру и стрѣляютъ его въ упоръ или колютъ рогатиной.

Впрочемъ и между Зырянами, хотя немного, но выбираютъ смѣлые охотники, которые, имѣя пару добрыхъ надежныхъ собакъ, не боятся открытой встрѣчи съ медвѣдемъ. При хорошихъ собакахъ охотникъ стрѣляетъ въ звѣря очень увѣренно. Какъ бы медвѣдь ни вертѣлся, собаки непременно въ него вцѣпляются; тогда онъ долженъ присѣсть на корточки и въ этомъ положеніи отбиваться передними лапами отъ собакъ, нападающихъ на него со всѣхъ сторонъ. Въ это время охотникъ, зарядивши ружье, во второй разъ успѣетъ хорошо взять звѣря на цѣль и сдѣлать вѣрный выстрѣлъ. Если и этотъ выстрѣлъ не повалитъ медвѣда, то въ ярости онъ бросается на охотника; но тутъ собака схватываетъ его за какую-нибудь не защищенную и чувствительную часть тѣла, медвѣдь метнется въ ту сторону, а съ другой въ него уже вцѣпилась другая собака; нечего дѣлать, надобно опять ему присѣсть, а охотникъ, между тѣмъ, снова зарядилъ ружье и вгоняетъ въ него третью пулю. Если же выйдетъ таковой рѣдкій случай, что и третья пуля не подѣйствуетъ, тогда возня съ медвѣдемъ еще продлится, потому что добрыя собаки ни въ какомъ случаѣ отъ него не отстанутъ.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ охота за оленями, въ которой нѣтъ никакой опасности, за то много труда. Зырянскіе промышленники производили въ прежнія времена очень большіе набѣги на дикихъ оленей и возвращались съ этой охоты съ большою добычею. Нынѣ олень начинаетъ исчезать въ нашихъ сѣверныхъ лѣсахъ и уже не представляетъ такихъ выгодъ звѣринымъ промышленникамъ, какія получались отъ охоты на него въ прежніе времена. Замѣчательно, что въ одно время съ уменьшеніемъ этого звѣря на сѣверѣ явилось увеличеніе его въ области Бѣла-Озера и Шексны. Вѣроятно олень, тѣснимый зырянскими промышленниками въ своихъ родныхъ лѣсахъ, спустился сюда по приболотямъ и моховымъ протяженіямъ, непрерывно слѣдующимъ отъ Вычегодскаго и Печорскаго бассейновъ вплоть до береговъ Бѣла-Озера и Шексны.

Олень — отличный иноходецъ. Любо посмотрѣть со стороны, какъ вспугнутые чѣмъ-нибудь олени несутся по спуску пригорковъ, быстрой иноходью, одинъ за другимъ вереницей, выставивъ впередъ и приподнявъ нѣсколько вверхъ головы и прижавъ къ спинѣ свои роскошные рога. Впрочемъ не всегда олени такъ красивы: осенью спадаютъ съ нихъ рога, ихъ лучшее украшеніе, а безъ роговъ олень кажется какимъ то жалкимъ ублюдкомъ, къ веснѣ рога появляются вновь съ новымъ отростелемъ, по числу которыхъ можно узнать года оленей.

Мы сказали: олени бѣгутъ вереницей; дѣйствительно, они не могутъ жить безъ общества, гдѣ на первомъ планѣ является семейная привязанность. Олень одинъ никогда почти не ходитъ, а всегда со своею самкой, а если есть дѣтки, то и съ ними; послѣднія бѣгутъ всегда сзади, — это называется ходить «парой»; нерѣдко же ходятъ и «гурьбой», т. е. соединяются нѣсколько семействъ и до десятка одинъ за другимъ переходятъ нади и горы.

Такъ какъ любимая пища оленя — сѣльникъ съ мохомъ, а растутъ они большею частію по прибрежью ручьевъ и рѣчекъ, то промышленникъ, находя ручеекъ, слѣдитъ его по нади или по угору и, отыскавъ оленью тропу, которую не трудно узнать по умятому моху, прячется вблизи ея. Не рѣдко въ засадѣ приходится пробыть сутки и болѣе, пока покажется олень, котораго и бьетъ охотникъ почти въ упоръ. Такова охота на оленя лѣтомъ; она малодобычлива, и потому на нее немного выбирается охотниковъ. Совсѣмъ другое дѣло въ зимнее время, когда производится охота на оленей *гоубой*.

Олень отличается отъ другихъ большихъ животныхъ прокладываніемъ тропы; иначе онъ не ходитъ. По той же тропѣ, по которой ходили олени лѣтомъ, они продолжаютъ ходить и осенью, и снѣгъ, падающій мало по-малу предъ наступленіемъ зимы, постоянно утаптывается ими, такъ что тропы остаются наконецъ единственнымъ спасительнымъ путемъ среди рыхлой глубины снѣговъ, гдѣ для оленя нѣтъ волюнѣ свободнаго ни входа, ни выхода. Вотъ въ это то время зырянскіе промышленники и производятъ истребительную охоту на оленей гоубой. Выходитъ на эту охоту нѣсколько промышленниковъ съ широкодульными винтовками, конечно на лыжахъ, и встаютъ вблизи тропы въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы слышнень былъ откликъ. Такъ ожидаютъ оленей. Первый охотникъ, со стороны котораго звѣри идутъ, пропускаетъ ихъ и крикнувъ другому «на тропу!» встаетъ самъ на нее. Такимъ образомъ олени попадаютъ между двухъ стрѣлковъ и, испуганные, по-неволѣ бросаются одинъ за другимъ вскачь въ сторону. Глубокой, рыхлой снѣгъ не въ состояніи ихъ поддерживать, вѣѣ тропы передовой олень проваливается, но все-таки быстро свачетъ, грудью продавливая снѣгъ и дѣлая такимъ образомъ слѣдъ, по которому другіе

олени скачутъ уже свободнѣе и легче. Но мало-по-малу передовой обезсиливается, уже только бьется въ снѣжной глубинѣ и падаетъ на колѣни; второй и слѣдующіе олени перескакиваютъ черезъ него и несутся далѣе, прокладывая дорогу; а нѣсколько вздохнувшій передовой встаетъ, дѣлается заднимъ и снова несутся по проложенной дорожкѣ. Впрочемъ, этотъ дружный порядокъ черезъ нѣсколько времени нарушается снова: падаетъ и второй передовой, слѣдующіе опять скачутъ черезъ него, онъ нѣсколько времени вздыхаетъ и можетъ быть готовится съѣсть что-нибудь, но промышленники не дремлютъ: передовые изъ нихъ, каждый съ своей стороны, несутся на лыжахъ уже въ одной рубахѣ и безъ всякихъ тяжестей, а за ними послѣдній съ пищей и подобранной одеждой. Не успѣваетъ олень перекусить, какъ видитъ съ обоихъ сторонъ догоняющихъ охотниковъ и, испуганный, скачетъ снова, но каждый скачекъ его слабѣе и слабѣе, такъ что промышленникъ успѣваетъ забѣжать впередъ, наводитъ винтовку и меткій выстрѣлъ кладетъ задыхающагося скакуна. А между тѣмъ товарищъ, бѣгущій съ другой стороны, не останавливается при этомъ и несутся далѣе; вдругъ новая сумятица между оленями, уналь третій передовой, чтобы перевести духъ, но уже болѣе не встаетъ: пуля приковываетъ его на мѣстѣ. Наконецъ, ослабѣваютъ и прочіе олени: каждый изъ нихъ уже перебивалъ на трудной работѣ передоваго, уже каждый томитъ голодъ, душитъ усталость, а промышленники неумолимо слѣдуютъ по пятамъ; ихъ ноги на широкихъ, легкихъ и скользкихъ лыжахъ не грузнутъ въ глубокомъ снѣгу, какъ ноги оленей. Очевидно, при такихъ условіяхъ бой дѣлается не равнымъ; къ концу сутокъ перевѣсъ оказывается явно на сторонѣ охотниковъ и выстрѣлы чаще и чаще слѣдуютъ одинъ за другимъ, пуля бьетъ то оставшагося, то передоваго, то

утоляющаго голодъ оленя. Гоньба оканчивается только тогда, когда всѣ олени бываютъ перебиты. На это употребляютъ промышленники около двухъ сутокъ; если же стадо велико, то и болѣе.

Конечно, этотъ способъ охоты на оленей употребляется не среди зимы, когда морозъ дохнуть не даетъ, а около масляной недѣли и великаго поста, когда снѣгъ начнетъ наводить на себя насть. Если насть достигнетъ средней твердости, то въ такомъ разѣ дѣло оканчивается съ оленями несравненно скорѣе: оледенѣвшая кора снѣга проваливается подъ ногами оленя, задерживаетъ вниманіе голени и препятствуетъ свободному, какъ было въ рыхломъ снѣгу, взмаху ногами впередъ, царапаетъ ему ноги и надрываетъ ихъ мало-по-малу до крови, а когда окрасилась бѣлизна снѣга, охотникъ усиливаетъ, сколько можетъ свой бѣгъ; испуганный звѣрь рвется безпорядочнѣе, слѣдовательно болѣе перерываетъ ноги, и наконецъ, измученный болью, встаетъ на мѣстѣ какъ вкопанный и пуля не замедлитъ уложить его. Такъ очень скоро избивается все стадо.

Послѣдній промышленникъ съ пищей и одеждой приходитъ иногда часовъ черезъ 20, и его охотники ожидаютъ у огонька, поддерживаемаго описаннымъ выше способомъ въ сдѣланномъ наскоро шалашѣ. Добычу свѣзжаютъ, лучшія части говядины разрубаютъ на куски, шкуры свертываютъ скатами и все укладываютъ въ нарты, въ которыхъ и увозятъ уловъ съ мѣста побойща въ ближайшіе пывзаны или домой.

Еще ловятъ Зыряне оленей петлями. Этотъ ловъ употребляется преимущественно зимою, когда олень безъ роговъ. Петли ставятся на тропѣ.

Промыселъ на лисицъ существуетъ въ настоящее время между зырянскими промышленниками въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Звѣрь этотъ попадается охотнику почти случайно, и эта случайность въ послѣдніе годы становится все рѣже и рѣже, особенно на дорогую лисицу, которая чрезвычайно быстро переводится въ Зырянскомъ краѣ. Зыряне раздѣляютъ лисицу по цвѣту ея шерсти на разные сорта; главные изъ нихъ слѣдующіе: красная лисица стоитъ 3—4 руб. сер., крестовка—5—6 руб., сиводушка—10—15 руб., черненькая—15—25 руб., чернубурая—30—125 руб. и черная (рѣдкость, особенно въ послѣднее время) 150—200 руб. сер. и болѣе.

Такъ какъ встрѣча съ лисицею дѣло случая, то промышленникъ не отправляется за нею въ особое лѣсовье, какъ за бѣлкой, рябчикомъ или оленями, а когда натолкнется на лисій слѣдъ, то ловить ее или канканомъ на притравѣ или отравой, приготовленной изъ сулемы, иногда изъ чилибухи. Отравы изъ сулемы предпочитаютъ: она дешевле, не портится отъ времени, надежнѣе убиваетъ звѣря и хороша для промышленника еще въ томъ отношеніи, что разжигая внутренности лисицы, заставляетъ ее обозначать свое пораженіе явными признаками: не отходя далеко отъ мѣста отравы, окормленный звѣрь дѣлаетъ неправильные слѣды, качается на мѣстѣ, бросается изъ стороны въ сторону, то начкаетъ снѣгъ изверженіями, то оставляетъ на немъ кровавые пятна. По этимъ признакамъ не трудно отыскать промышленнику свою отравленную жертву.

Самый процессъ отравленія производится слѣдующимъ порядкомъ: случайно поавшійся охотнику лисій слѣдъ подвергается строгому изслѣдованію: если слѣдъ идетъ по одному только направленію, то эта лисица пробѣжная, она и вниманія не заслуживаетъ; но если слѣды положены

на крестъ и въ разныхъ направленіяхъ, да еще сосредоточены около какого-нибудь мѣста, преимущественно дерева, то, значитъ, лисица тутъ жируетъ, т. е. отыскиваетъ жилище мышей и бурундуковъ для утоленія своего голода, при чемъ достается ей въ добычу всякая безножковая или глухая мышь, соскучившаяся въ темной норѣ своей и пожелавшая полюбоваться на бѣлый свѣтъ, особенно въ ясный день порѣзвиться подъ вліяніемъ живительныхъ лучей свѣтлаго солнышка. Мышь обыкновенно вылазаетъ изъ своего подземнаго жилища наружу черезъ выдувку. Такъ называется углубленіе въ снѣгу около корня дерева, достигающее иногда послѣ бурановъ до самой земли. Черезъ эти же выдувки выбѣгаетъ и бурундукъ порасправить свои слезавшіеся члены на вѣтвистомъ деревѣ и погрысть сосновыхъ шишекъ. Эти-то вылазки мыши и бурундука усердно стережетъ лисица въ томъ мѣстѣ, гдѣ ей уже разъ удалось полакомиться ими.

Замѣтивъ жированье лисицы, промышленникъ спѣшитъ попотчивать ее прикормкой; для чего онъ привязываетъ на веревку кусокъ мяса, преимущественно тухлаго, и, влоча за собою, ходитъ на лыжахъ въ разныхъ направленіяхъ по тому мѣсту, которое испещрено слѣдами жирующей лисицы; въ то же время охотникъ покидываетъ по сторонамъ кое-гдѣ въ снѣгъ маленькіе кусочки мяса. Почувывъ прикормку, лиса отвлекается отъ преслѣдованія мышей и бурундуковъ и начинаетъ бродить по лыжницѣ, отыскивая мясо, разбросанное охотникомъ. Когда промышленникъ удостовѣрится, что звѣрь уже попробовалъ прикормки, онъ бросаетъ вмѣстѣ съ кусочками мяса и отраву, наблюдая при этомъ, чтобы она не упала близко къ кусту, къ дереву или пеньку, но чтобы легла на чистое мѣсто. Лисица до такой степени смѣтлива и осторожна, что ни за что не возьметъ ту притраву, которая лежитъ

близко не только къ кусту или дереву, но даже къ полевой ребинкѣ или былинчкѣ, одиноко пробивающейся изъ-подъ снѣга.

Въ Зырянскомъ краѣ нѣкоторые изъ промышленниковъ занимаются еще выкармливаніемъ лисятъ. Для этого около Благовѣщенья, когда окрѣпнетъ настъ, выслѣживаютъ лисьи норы, отыскивая ихъ въ страшныхъ лѣсныхъ трущебахъ, гдѣ много лому, гдѣ по склонамъ крутоберегихъ рѣчекъ старыя деревья спустили свои корни и гдѣ подъ берегами выбило большія отпала быстрымъ теченіемъ весеннихъ водъ. Въ такихъ мѣстахъ находятъ промышленники лисьи норы по слѣдамъ, которые лиса гнѣздава, выходя изъ гнѣзда на промыселъ за добычею для себя и дѣтей своихъ, оставляетъ на снѣгу, пачкая его пескомъ, прилипшимъ къ ея лапамъ въ норѣ. Песчаный слѣдъ безошибочно приводитъ промышленника къ лисьей норѣ и тогда уже, раскапывая землю, не трудно бываетъ вынять лисятъ. Если лисята очень малы, ихъ воспитываютъ сначала молокомъ съ рожка, потомъ забираютъ въ хлѣвъ съ деревяннымъ поломъ и бросаютъ имъ въ пищу всякую падаля, а за невѣднѣемъ ея, воронъ, зайцевъ и т. п. Передъ Рождествомъ, когда лисята выкуйбютъ и совершенно вычистятся, ихъ убиваютъ и шкурки продаютъ. Но отъ какой бы хорошей лисицы ни были выкорытши, они никогда не могутъ сравняться съ лисицей вольной, и опытный глазъ закупщика сейчасъ находитъ имъ различіе по жидковатому подбрюшью, по закомелистому хвосту и довольно неровной и не мягкой шерсти.

Представивъ картину зырянскихъ промысловъ и неутомимаго сподвижничества охотника нашего дальняго сѣвера въ лѣсныхъ трущебахъ за дикимъ звѣремъ и птицею, мы

обратимся теперь къ тѣмъ даннымъ, которыя должны выяснить экономическую сторону описываемаго нами предмета:

Всѣхъ Зырянъ въ губерніяхъ Вологодской, Архангельской, Вятской и Пермской насчитывается до 142 т., что составляетъ приблизительно до 24 т. семей, въ которыхъ работниковъ, какъ производительной силы въ экономическомъ быту, будетъ приблизительно до 28 т. человекъ мужского пола. Мы сказали выше, что каждый Зырянинъ — охотникъ, и это правда: каждый Зырянинъ умѣетъ обращаться съ ружьемъ и винтовкою, каждый знаетъ, какъ находить звѣрей и птицъ, ставить различныя ловушки и *насторожки*, — словомъ, каждый умѣетъ охотиться и въ свободное время, при первой возможности, идти *лесо-вать*; но если подъ руками находится болѣе выгодный промыселъ, если есть возможность на другомъ дѣлѣ заработать болѣе крупный заработокъ, то и Зыряне, эти полуномады лѣсовъ, вѣшаютъ свою винтовку на гвоздь и усердно принимаются за другой трудъ. Такимъ образомъ до трехъ четвертей рабочаго населенія заняты земледѣіемъ, заготовкою лѣса на сплавъ къ Архангельскому порту, работами на заводахъ и брусоточильной горѣ, судостроеніемъ на пристаняхъ Ношувльской и Койгородской и возкою хлѣба на эти пристани, рыбными промыслами и, наконецъ, торговлею, какъ населеніе по Ижмѣ, весьма дѣятельное и живое. Но Удора въ Яренскомъ уѣздѣ, большая часть Печоры и верховья Вычегды въ Устьсымьскомъ и мѣстности по Мезени — весь этотъ уголь дальняго сѣверовостока, гдѣ рѣзкій сѣверный вѣтеръ, бѣгущій съ холодныхъ волнъ Ледовитаго океана, образуя морозныя утренники, губить молодые лѣтніе всходы и мѣшаетъ вызрѣванію зерна въ лѣтнюю пору и гдѣ нѣтъ никакихъ другихъ промысловъ, кромѣ охоты, тамъ Зырянинъ всецѣло преданъ лишь однимъ охотничьимъ промысламъ. Такихъ изъ зы

рянскаго населенія смѣло можно отдѣлить дѣлаю четверть, т. е. 7.000 человекъ промышленниковъ, включая въ то число и малолѣтнихъ до того возраста, въ которомъ могутъ владѣть винтовкою и выносить трудности лѣсовья. На каждое ружье среднимъ числомъ добывается въ промыслѣ за осеннее и зимнее лѣсовье: горностая отъ 10—20, бѣлки отъ 80—100 штукъ, рябчика отъ 50—70 паръ, тетерева отъ 13—25 паръ, куропатки отъ 20—30 паръ, что составитъ по среднему выводу общее количество добычи: бѣлки 630.000 штукъ, по 7 коп. штука, на 44.100 руб.; горностая 105.000 штукъ, по 20 к., на 21.000 руб.; рябчиковъ 420.000 паръ, по 20 коп., на 84.000 руб.; тетеревей 140.000 паръ, по 25 коп., на 35.000 руб.; куропатокъ 165.000 паръ, по 7 коп., на 11.550 руб.; всего 174.650 руб.; или по 27 руб. 95 коп. на одного промышленника отъ валовыхъ предметовъ охоты, составляющихъ непремѣнную и постоянную подать съ сѣверной природы, да если еще къ этому прибавить рубли два на брата отъ рыси, росомахи, медвѣдя и волка и другаго краснаго звѣря: куницы, соболя и лисицы, т. е. такихъ предметовъ охоты, которые составляютъ дѣло случая и въ промыслѣ на нихъ не разсчитываютъ, то весь заработокъ промышленника будетъ восходить до 30 рублей сер. въ годъ—скудное вознагражденіе за неутомимый трудъ, лишенія, длинныя ночи и за дѣлые мѣсяцы одиночества въ осеннее и зимнее время въ глухихъ лѣсахъ среди безмолвной и мертвой природы. Мы должны сознаться, что цифры эти не точныя, но только приблизительныя, выведенныя по соображенію съ бытомъ Зырянъ, по близкому знакомству съ промышленниками на мѣстахъ, въ самыхъ центрахъ охотничьихъ промысловъ, гдѣ намъ самимъ приводилось не разъ странствовать въ теченіи многихъ недѣль по пывзанамъ и промысловымъ чумамъ. Какъ бы ни были близки

къ дѣлу эти выводы, насъ могутъ упрекнуть въ ихъ гадательности и произвольномъ приѣмѣ; во избѣжаніе таково упрека мы приводимъ здѣсь официальные свѣдѣнія о количествахъ добытыхъ въ Устьсысольскомъ уѣздѣ звѣрей и птицъ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ:

Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ добыто отъ охотничьихъ промысловъ:

	1869 г.	1870 г.	1871 г.	
	паръ.	паръ.	паръ.	
Тетеревей и рябчиковъ	98.000	107.000	122.000	На сумму 67.400 р.
Куропатокъ.	12.000	11.000	14.000	На сумму 2.590 »
Бѣлокъ . . .	штукъ. 390.000	штукъ. 464.000	штукъ. 480.000	На сумму 95.920 »
Горностаевъ	6.400	5.000	5.800	На сумму 3.400 »
Куницъ . . .	170	192	210	На сумму 2.300 »
Соболей . . .	12	20	14	На сумму 460 »
Лисицъ . . .	132	150	120	На сумму 3.220 »
Медвѣдей . .	32	45	18	На сумму 1.040 »
Выдръ	55	70	62	На сумму 1.122 »
Росомахъ . .	50	53	42	На сумму 760 »
Зайцевъ . . .	10.100	14.100	9.800	На сумму 1.560 »

Всего въ три года на сумму 179.772 р.

Въ промыслахъ участвовали въ 1869 году 3.000, въ 1870 году 4.000 и въ 1871 году 3800 человекъ. Самымъ удачнымъ годомъ для промышленниковъ былъ 1870. Рассчитывая по среднему выводу на каждого изъ промышленниковъ равную долю изъ вырученной суммы, выходитъ по 47 руб. 11 коп. на ружье въ три года, или по 15 руб. 70 коп. на промышленника въ одинъ годъ. Такимъ образомъ, официальные источники даютъ намъ цифру заработка отъ охотничьихъ промысловъ вдвое меньшую противъ выводовъ, сдѣланныхъ нами выше. Оставляя данныя эти, какъ весьма сомнительныя, въ сторонѣ и обращаясь снова къ тѣмъ выводамъ, которые дали по 30 руб. сереб. въ годъ на промышленника, примемъ этотъ заработокъ за минимумъ, то и тогда мы не можемъ безъ ужаса представить себѣ возможности на такія скудныя средства прокормить и одѣть себя и семью, заплатить повинности, запастись порохомъ и свинцомъ и прочими потребностями, хотя не сложной, но все-таки требующей, при страшной дороговизнѣ хлѣба и соли, денежныхъ издержекъ жизни. При такомъ жалкомъ годовомъ заработкѣ по-неволѣ приходится питаться хлѣбомъ по поламъ съ древесною корой, черствыми шаньгами, похожими въ разрѣзѣ на животныя отброски, и не дѣйствіе сѣвернаго климата, а единственно недостатокъ здоровой, питательной пищи служить причиною физическаго недоразвитія Зырянъ и ихъ преждевременной старости, придающей чертамъ морщинистаго лица какую-то грубую, апатичную суровость.

Но и эти тридцать рублей, выведенные нами по существующимъ цѣнамъ на птицу и звѣри, далеко не всѣ доходятъ до рукъ промышленника, потому что и здѣсь, какъ и въ многихъ промысловыхъ мѣстностяхъ русскаго свѣта, главныя выгоды отъ сбыта добычи сосредоточиваются въ нѣсколькихъ рукахъ мѣстныхъ кулаковъ, этихъ мірошдовъ,

легко наживающихся большіе капиталы, почетъ и уваженіе отъ бѣдняковъ, и тотъ, кто добывалъ въ дѣсной чащѣ бѣлку и рябчика, кто до изнеможенія силъ трудился надъ ловлею хищнаго и краснаго звѣря, не можетъ выбиться изъ вѣчнаго долга мѣстному кулаку за взятые у него товары: муку, соль, порохъ и свинецъ. Возникновеніе кулаковъ въ здѣшнемъ краѣ весьма естественно: незначительность внутреннихъ требованій страны, очень слабый запросъ на товары, не производимые ею, сказались отсутствіемъ въ ней ярмарокъ и торжковъ, этихъ подвижныхъ торговыхъ центровъ, столь частыхъ и обыкновенныхъ въ русскихъ мѣстахъ. Тѣ торжки, которые бывають въ деревняхъ во время храмовыхъ праздниковъ и весь оборотъ которыхъ по торговлѣ крестьянскими закомствами едва ли простирается до десятка рублей, не заслуживають никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что они удовлетворяють только однодневныя потребности. Выѣсто сельскихъ торжковъ въ Зырянскомъ краѣ существуетъ торговля другаго рода, такъ-сказать осѣдлая, съ постоянною мѣстностію, съ опредѣленнымъ, хотя не большимъ, кругомъ дѣйствія: такъ почти на каждый, болѣе населенный пунктъ мѣстности приходится по одному торговцу, у котораго крестьянинъ можетъ найти необходимыя ему вещи: кожу, табакъ, порохъ, свинецъ и разныя принадлежности своего быта. Главные представители такой торговли мѣстные, торгующіе крестьяне-кулаки, захватившіе въ свои руки всю торговлю края, и внутреннюю и отпускную, хотя и ведутъ ее по самымъ рутиннымъ тенденціямъ. Главная сила ихъ въ томъ, что они, не ограничиваясь чисто-коммерческою ролью, играютъ еще роль деревенскихъ банкировъ. Имѣя въ виду единственную цѣль—наживать какъ можно больше денегъ и тратить ихъ какъ возможно меньше, они преслѣдуютъ ее съ удивительнымъ постоянствомъ, энергіею

5/11

[5-]

Ц. н.	15
В. н.	20

ЦУМ Г. С. В. ОРИТОН А
 Указано в каталоге изданий Гос. издательства
 от № IV—50 г. № 0. 1. 4 и от 19. V—50 г.
 № 11570 27 до 5 руб.
 Изд. НКВД — Отдел 10

6279/11

~~Цена 60 коп.~~

5